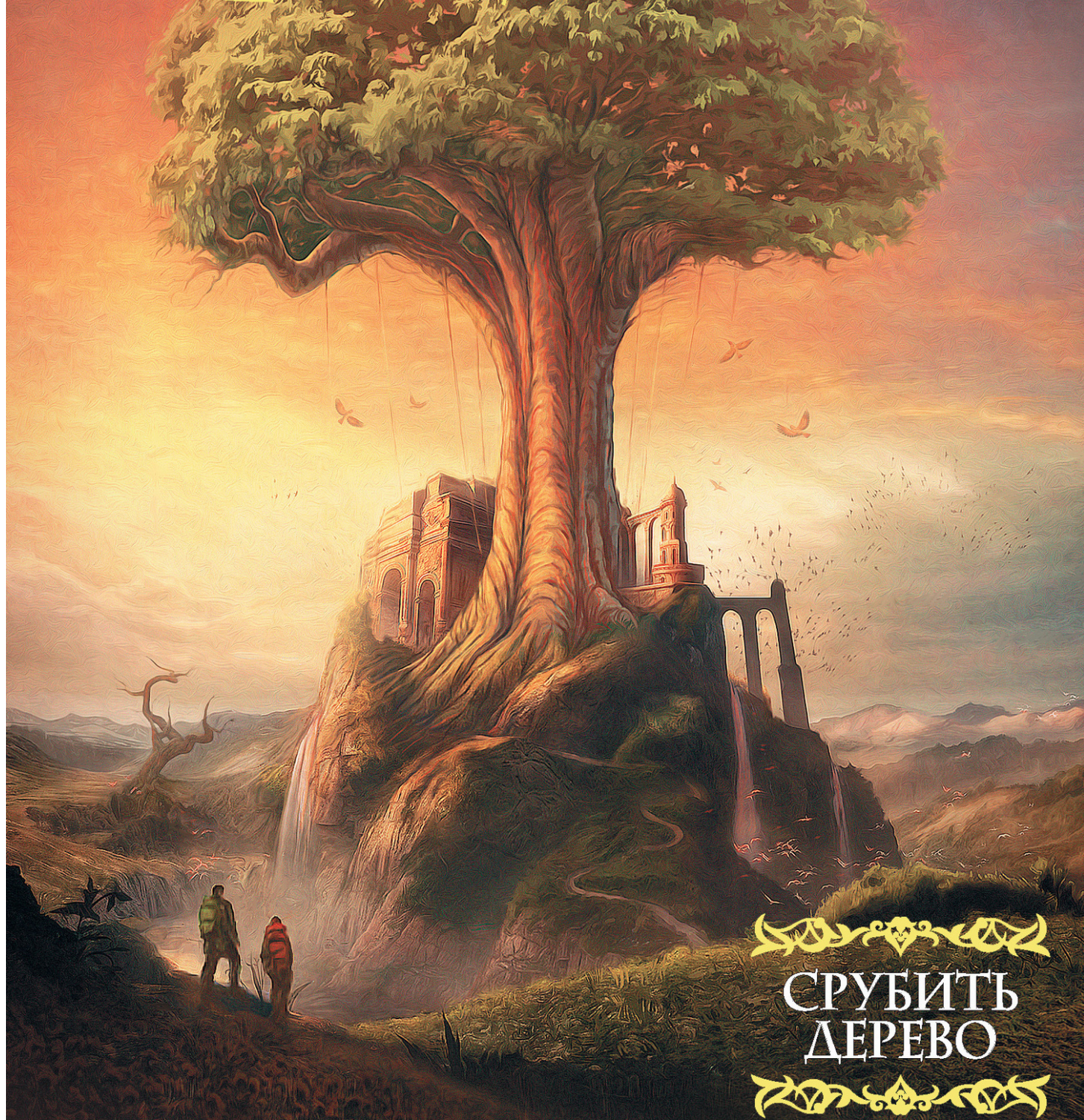

Роберт ЯНГ

СРУБИТЬ
ДЕРЕВО

Мастера фантазии

Роберт Янг

Срубить дерево

«Издательство АСТ»

1956-1987

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Янг Р. Ф.

Срубить дерево / Р. Ф. Янг — «Издательство АСТ»,
1956-1987 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-983187-7

Роберт Янг (1915–986) – имя, хорошо знакомое всем истинным ценителям классической фантастики. Достаточно перечислить названия лишь нескольких его вещей: «Срубить дерево», «Девушка-одуванчик», «Звезды зовут, мистер Китс!», «Тридцать дней в сентябре», «На Реке»... Роберт Янг не был профессиональным писателем и всю свою жизнь, за исключением трех лет службы в армии, прожил в маленьком городке Силвер-Крик в штате Нью-Йорк. Работал машинистом, литейщиком, швейцаром, разнорабочим, а в свободное время писал и за тридцать лет создал пять романов и более ста рассказов, и именно рассказы стали визитной карточкой писателя. Произведения, вошедшие в этот сборник, относятся к разным жанрам, но все их объединяют удивительная доброта и человечность Роберта Янга, неожиданные сюжетные повороты и писательское мастерство, благодаря которому мы видим его глазами холмы в золотисто-красном осеннем наряде, призрачные вальсирующие пары в заброшенном звездном корабле и дивное создание в зеленом кружеве кроны гигантского дерева.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983187-7

© Янг Р. Ф., 1956-1987

© Издательство АСТ, 1956-1987

Содержание

Срубить дерево	7
День первый	7
День второй	15
День третий	19
День четвертый	24
Эпилог	27
У начала времен	30
1	30
2	34
3	43
4	48
5	54
Эмили и великие барды	58
Летающая сковородка	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Роберт Янг

Срубить дерево

Сборник

Robert F. Young
Collection of Short Stories

© Robert F. Young, 1956, 1965, 1982, 1987
© Перевод. А. Иорданский, наследники, 2019
© Перевод. Я. Лошакова, 2019
© Перевод. Н. Виленская, 2019
© Перевод. А. Комаринец, 2019
© Перевод. Г. Веснина, 2019
© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Срубить дерево *Перевод Н. Виленской*

День первый

Стронг развернул лифт так, чтобы подниматься спиной к стволу – чем меньше он будет видеть дерево на первой стадии подъема, тем лучше, – но именуемая лифтом открытая пирамидка на тонком тросе вернулась в прежнее положение, не дойдя и до сотни футов. Дерево желало сопровождать Стронга с самого начала, невзирая на то, чего хотелось ему самому.

Ствол, отстоящий футов на пятнадцать от лифта, напоминал скорее утес – выпуклый живой утес; кора вздымалась буграми восемь-десять футов длиной, глубина трещин составляла не меньше трех-четырех, аверху виднелось величественное облако кроны.

Стронг не хотел смотреть вверх, но глаза обращались туда сами собой. Он чуть ли не насильно опустил их и стал смотреть на быстро уменьшающуюся деревенскую площадь с фигурами трех его компаньонов. Зухр и Синее Небо, стоя на одном из древних курганов, выкурили по первой утренней сигарете. Лиц их с такой высоты Стронг не видел, но предполагал, что Зухр, как всегда, набычился, а Синее Небо, как водится, думает о бизонах. Райт, управлявший лебедкой, стоял наособицу и тоже, скорее всего, выглядел как обычно, разве что слегка волновался: Стронг ясно видел перед собой его мягкое и в то же время решительное лицо, сразу почему-то выдающее бесспорного лидера.

Окружавшие площадь дома сверху казались еще красивее, чем там, внизу. Золотисто-красное солнце Омикрона Кита весело играло на хамелеоновых крышах и пряничных фасадах. Все строения в радиусе трехсот ярдов от дерева очистили и огородили канатами, но Стронгу представлялось, что эльфы, занявшие их ночью, заботятся о жилищах, пока хозяев нет дома.

Мысль эта развлекала его ненадолго: ее прогнала длинная очередь мощных лесовозов, выстроившихся на площади.

Стволу на такой высоте полагалось бы стать тоньше, но он не стал – Стронг, во всяком случае, не замечал никаких изменений. Дерево по-прежнему напоминало утес, и он чувствовал себя скорее альпинистом, чем древосеком. Высоко над ним маячила первая ветка – горизонтальная секвойя, произрастающая из древесного Эвереста.

– Дриад не видать пока? – спросил Райт в левом ухе, где помещалась миниатюрная рация.

– Пока нет.

– Скажи, как увидишь.

– Черта с два! Раз я вытянул длинную травинку, то все, что я найду наверху – мое.

– Я просто помочь хотел, – засмеялся Райт.

– Больно мне нужна твоя помощь. На какой я высоте?

Райт, величиной с сигарету, сверился с приборным окном лебедки.

– Сто шестьдесят семь. Еще сто двадцать, и доедешь до первой ветки. Как самочувствие?

– Нормальное.

– Вот и ладно. Дай знать, если хоть что-то пойдет не так.

– Обязательно. – Стронг отключил рацию языком. Вокруг потемнело, вернее позеленело: бледный хлорофилловый свет, сочащийся сквозь толщу листвы, густел по мере подъема.

Испытав первый приступ древостраха, Стронг использовал усвоенный в спецшколе прием: нужно сосредоточиться на чем-то другом, все равно на чем. Он мысленно инвентаризировал все прикрепленное к перекладине лифта: колышки и молоток для забивки, пак,

спальник, палатка, обогреватель, ролик для троса, резак, аптечка, пояс верхолаза, страховочная веревка, рабочая веревка (только один конец, другой разматывался из бухты у подножья ствола), набор подшипников, зажим, фляжка...

Вот наконец и крона. Стронг думал, что листья будут огромными, но они оказались маленькими; их изящный рисунок напоминал листву сахарного клена, который когда-то в изобилии рос на Земле. Алые птицы ха-ха на первой ветви встретили Стронга жутким хохотом, покружили над ним, цинично оглядели его глазками-полумесяцами и перелетели повыше.

Ветка походила на горную грядку, нависшую над деревней. От нее ответвлялись другие, каждая с хорошим деревом – если такая рухнет, то вдребезги разнесет любимый дом кого-то из колонистов.

Стронг в который раз задался вопросом, почему коренные жители самого крупного континента Омикрона Кита-18 селились вокруг этих монстров. Даже на своем примитивном уровне, который им приписывает доклад Службы Прогресса (хотя строить они умели красиво), туземцы должны были понимать, как опасно такое соседство во время грозы и какую сырость, предвестник разложения, разводит такая густая тень. Должны были, но явно не понимали: из всех туземных деревень только эта не превратилась в руины, и только это дерево не подцепило загадочную болезнь, от которой засохли на корню остальные.

Прогрессисты полагают, что деревья служили туземцам религиозными символами. Эта теория подтверждалась массовыми переселениями аборигенов в «пещеры смерти» на северных пустошах, когда деревья начали умирать, но Стронгу все же трудно было в это поверить. Туземцы, судя по их домам, были не только творческой, но и практичной расой, а практичные люди не станут обрекать себя на автогеноцид оттого лишь, что их священные символы оказались такими же смертными, как они сами. Да и прогрессисты, как успел заметить Стронг, валивший деревья на многих новооткрытых планетах, бывают правы далеко не всегда.

Листья теперь окружала его целиком – снизу, сверху, справа и слева. Он перемещался в особом, дымчатом, золотисто-зеленом, цветущем мире (текущий месяц на Омикроне Кита-18 соответствовал июню в северном земном полушарии, и дерево расцвело). Этот мир, кроме Стронга, населяли только птицы ха-ха и насекомые, которыми те питались. Сквозь листья ему порой открывался лишь кусочек окружающей местности: Райт, Зухр и Синее Небо скрылись из виду.

Футах в пятнадцати ниже ветки, где был закреплен трос, Стронг попросил Райта остановить лифт, снял с поперечины тросомет и начал раскачиваться. Выбрав новую цель восьмьюдесятью футами выше, он прижал к плечу приклад и в крайней точке своей амплитуды выстрелил. Снабженный грузилом конец паутиного троса перелетел через ветку и повис в паре дюймов от его растопыренных пальцев. На следующем размахе Стронг поймал его и прижал к верхушке лифта. Когда микроволокна внедрились глубоко в сталь, он обрезал новый трос карманными кусачками и вернул тросомет на перекладину. Потом, продолжая раскачиваться, свил новый трос со старым, дал им срастись и отрезал лишнее.

Из-за слабину нового троса лифт снизился на несколько футов. Дождавшись, когда затихнет качание, Стронг дал Райту команду опять запустить механизм. Лифт пополз вверх по миниатюрным подшипникам в обшивке троса, а Стронг прислонился к поперечине и закурил.

В этот момент он и увидел дриаду – а может, ему почудилось. Все эти разговоры о дриадах просто треп, фантазии мужиков, которые разве что между командировками успевают пообщаться с реальными женщинами. Все они понимают, что ни на каком дереве ни на одной из планет не ждет прекрасная нимфа, чтобы прыгнуть тебе в объятия, но на окраинах разума, куда здравый смысл не заходит, таится мыслишка: а вдруг?

Они трепались об этом всю дорогу от Земли до Кита и от космопорта к деревне. Послушать их всех, на последнем гигантском дереве Омикрона-18 должна жить хотя бы одна дриада, и было бы здорово ее изловить.

Вот же она, лови, сказал себе Стронг, но это был всего лишь миг, всего лишь намек на прелестные лицо и фигуру в листве. Как только поблекло изображение на сетчатке, пропало и убеждение, что он это видел. Поднимаясь к развилке, где мелькнуло видение, Стронг заранее знал, что ничего там не будет – и точно, не было.

Заметив, что у него дрожат руки, Стронг прекратил это усилием воли: смешно же так заводиться от простой игры солнца в зелени.

Но на четыреста семидесяти пяти футах она снова ему померещилась. Сверив высоту с Райтом, он случайно взглянул на ветку, с которой только что поравнялся, и увидел футах в двадцати от себя длинную ногу, тонкое лицо, золотые волосы.

– Стоп, – тихо сказал он Райту, расстегнул страховочный пояс и вылез из остановленного лифта на ветку. Он медленно подбирался к дриаде, которая даже и не думала убежать – стояла себе, прислонясь к стволу, в короткой, сплетенной из листьев тунике и лиственных же сандалиях до середины икры. Стронг начинал уже верить, что ему не чудится и она настоящая, и тут она пропала опять.

Другого слова не подобрать: не ушла, не убежала, не улетела. Даже и не исчезла, строго говоря – просто только что была здесь, а после ее не стало.

Стронг, сделав всего десяток шагов по ветке, непонятно с чего вспотел. Взмокло всё: лоб, шея, спина, грудь; форменная рубашка прилипла к телу.

Стронг вытер лицо носовым платком и сделал осторожный шаг назад. Дриада больше не появлялась, только солнце просвечивало сквозь листья там, где она стояла.

– Ты чего там? – спросил Райт.

– Порядок, – ответил, помолчав, Стронг. – На разведку ходил.

– И как оно?

Стронг не сразу сообразил, что Райт спрашивает про дерево. Он снова промокнул лоб, свернул платок, сунул его в карман и ответил:

– Большое. Просто здоровое.

– Ничего, справимся. Нам и раньше здоровые попадались.

– Не такие.

– Мы все равно его свалим.

– Я свалю, – уточнил Стронг.

– Ясное дело, – засмеялся Райт, – но мы всегда рядом, если понадобится. Поехали дальше?

– Дай мне минуту. – Стронг вернулся в лифт и скомандовал: – Трогай.

На пятистах и пятистах девяноста футах он снова переместил трос. На шестистах листва поредела; ему удалось стрелкнуть вверх на целых полтора фута, и он проехал этот отрезок как настоящий турист.

Поднявшись до семисот, он установил на крепкой широкой ветви палатку. Отсюда ему местами виднелась деревня. Обработанные химудобрениями поля, протянувшиеся до самого горизонта, щетинились золотистыми ростками посеянной недавно пшеницы. Это местный сорт, равного ему во всей галактике нет. В середине лета колонисты снимут еще один из сказочных урожаев, благодаря которым стали миллионерами первого поколения.

Хозяйки сустились на задних дворах, гиромобили жуками ползли по улицам, детишки величиной с головастики плескались в искусственных озерах, устроенных в каждом квартале. Картина недоставало только маляров или кровельщиков: крыши в этих домах не протекали, и краска с них не слезала – во всяком случае, до сих пор.

Стронг побывал только в одном местном здании – в туземном храме, который колонисты преобразили в гостиницу, – но владелец, он же и мэр, заверил его, что оно отличается от других домов разве что размерами и богатой отделкой. Такой плотницкой работы Стронг еще никогда не видал: невозможно определить, где фундамент переходит в пол, а пол в стены. Окна обра-

зуют одно целое со стенами, лестницы стекают вниз застывшими водопадами, искусственный свет исходит прямо из древесины.

Свой вывод о примитивности здешних туземцев прогрессисты, которых Стронг считал дураками, основывали на том, что они сравнительно поздно научились пользоваться металлами. Вон как ухватились колонисты за их единственную сохранившуюся деревню, как рьяно добивались от Галактического департамента разрешения поселиться в ней. Чудеса, которые туземцы творили с деревом, вполне искупают их неудачные опыты с железом и бронзой.

Забросив трос вверх еще трижды, Стронг вышел из лифта, надел верхолазный пояс, закрепил на нем нужные инструменты, защелкнул на правом бедре верхний конец рабочей веревки. Теперь он находился на высоте примерно девятисот семьдесяти футов; здесь крона сужалась конусом, повторяя пропорции давно вымершего американского вяза. Соорудив из страховочной веревки «пешеходную» петлю, Стронг отклонился назад на сорок пять градусов и обошел вокруг ствола, разглядывая верхние ветви. Для заброса рабочей он выбрал развилку футах в семнадцати над собой. Сделал и на ней петлю, свернул кольцом футов тридцать слабины, повернулся к стволу боком и выполнил бросок безупречно. Веревка зацепилась, кольцо, падая вниз, разматалось. Стронг без труда достал до петли, отвязал страховку и по двойной веревке залез наверх. Гравитация Омикрона-18 снизила 180 фунтов его веса до 157 с половиной – он даже и не запыхался. Уведомив Райта, он снял с пояса футляр с роликовым подшипником, укрепил его в развилке, пропустил веревку через почти не создающий трения желобок и снова закрыл коробку. Он не видел, что происходит на земле, но знал, что Райт сейчас переносит лебедку, заново укрепляет ее и ставит на нее катушку с рабочей веревкой. Не нужный пока лифтовый трос закрепят кольцом у подножья ствола.

Убедившись, что веревка движется через подшипник свободно, Стронг прицепил к петле зажим и наметил футах в пятнадцати над собой страховочную развилку. Она обещала хороший доступ к участку на девяносто футов ниже верхушки, где ветви начинали превышать установленный Райтом стофутовый максимум. Стронг сделал заброс, стянул конец вниз и смастерил себе люльку. Выданный в школе справочник предлагает множество вариантов: двойной беседочный узел обеспечивает сиденье, тугой строп повышает маневренность. Еще там показывается, как управлять своим весом, чтобы перемещаться вверх-вниз. Если сделаешь все как надо, люлька станет твоим лучшим другом, говорится в инструкции. Для начала Стронг попытался передохнуть минут десять, но бьющее в глаза солнце мешало расслабиться даже с закрытыми веками. Люлька, похожая на серебристую лиану, покачивалась от легкого ветерка. Высота зашкалила уже за тысячу футов... подумать только. Самые высокие деревья, на которые Стронг до сих пор забирался, дотягивали только до пятисот.

Он ухватился за двойную веревку и опять полез вверх, подтягиваясь и помогая себе ногами – уверенно, не спеша. Энтузиазм придавал ему сил, кровь так и пела в жилах. Вот и развилка, а чуть выше еще одна, самая последняя. Выпустив из сапог шпоры, Стронг охватил ладонями темно-серый ствол толщиной всего с фут и гладкий, как женская шея. Вонзил в кору левую шпору, перенес вес на нее, вонзил правую. Даже с закрытыми глазами ты каждый раз чувствуешь, что вершина недалеко. Дерево под тобой раскачивается, ствол становится все тоньше, солнце пригревает сильнее, сердцебиение учащается.

Он уселся верхом в той, последней, развилке. Зеленое облако листвы, которое он видел теперь не снизу, а сверху, почти полностью закрывало деревню, но «великое пшеничное море», как мысленно окрестил его Стронг, предстало во всей своей необъятности.

В нем встречались архипелаги: разрушенные деревни, где торчали серые маяки погибших деревьев или высились горы упавших сучьев, перемежались складами из листовой стали, где хранились сеялки и комбайны, поставляемые колонистам Галактическим департаментом.

Колония располагала группой собственных островков: водоочистная станция, мусоросжигатель и крематорий. Недавно к ним прибавилась лесопилка, где будет перерабатываться вот это самое дерево.

Еще один ценный урожай, ибо древесина на Омикроне Кита-18 стоит дорого – почти не меньше, чем на Земле. Колонистам, правда, придется отвалить недурную сумму компании «Древоповал».

Стронг не питал симпатии к поселенцам, зная не хуже Синего Неба, что они творят с почвой и как будет выглядеть Омикрон Кита-18 через какие-нибудь полвека. Иногда он их ненавидел, но трудно ненавидеть кого-то, когда ветер раздувает твою рубашку и солнце гладит лицо, когда под тобой весь мир, а выше тебя только небо.

Он выкурил сигарету, наслаждаясь всем этим. Загасив ее о сапог, он заметил кровь на большом и указательном пальцах.

Сначала он думал, что порезался, но никаких ранок на пальцах не было. Ногу повредил, что ли? Вон и на шпоре кровь... Только теперь Стронг увидел кровавый след, оставленный им на стволе: он повредил не себя, а дерево.

Листья трепетали, ствол лениво покачивался. Это просто сок такой, сказал себе Стронг. Сок не обязательно бывает прозрачным, пигменты могут окрашивать его в любой цвет – пурпурный, бурый, синий, кроваво-красный... Нет такого закона, чтобы сок был бесцветным.

Но Райту, когда тот вышел на связь, Стронг не сказал ни слова.

– Ну что, готов? – спросил Райт.

– Нет еще, поразведать надо.

– Ты сегодня только этим и занимаешься.

– И что с того?

– Ну, раз ты всех дриад себе присвоил, не буду мешать. Не по возрасту мне на такую высоту лезть. Я что сказать-то хотел: мы пойдем пожуюм, тебе тоже советуем.

– Ладно, – ответил Стронг, но есть не стал, хотя паек лежал у него в кармане. Он выкурил еще сигарету, спустился к люльке, вытер платком красный сок с ладоней.

Потом, уже в люльке, соскользнул до конца рабочей веревки и прицепил зажим к поясу. Немного ниже начиналась первая стофутровая ветвь. Пройдя примерно две трети ее длины, он пристроил зажим так, чтобы тот при натяжении веревки вошел поглубже. Успокоенный этими привычными действиями, он доложил шутейно:

– Готовность номер один, мистер Райт.

– Что-то быстро вы отобедали, мистер Стронг, – отозвался тот.

– Неохота волынить, когда имеешь дело с деревом такого размера.

– Ладно, включая лебедку. Скажи, когда натянется.

– Слушаюсь, мистер Райт.

Провисшая дугой рабочая веревка вскоре образовала прямую линию. Услышав треск, Стронг скомандовал «стоп» и спустился в люльке ниже намеченной ветки. Там он достал лучевой резак, настроил дальность на десять футов и хотел уже нажать спуск, но тут на периферии его зрения снова мелькнул некий посторонний объект. Он посмотрел туда, где трепетали листья на фоне неба, и увидел дриаду.

– Ждем только вас, мистер Стронг.

Он вытер рукавом заливающий глаза пот. Дриада примостилась на сучке, слишком маленьком для нее. Ее наряд полностью сливался с листвой: если бы не медовая кожа и копна золотых волос, Стронг мог бы поклясться, что она ему снова привиделась. Может, это и вправду видение: лицо – раскрывшийся только что цветок, руки и ноги – золотые полосы пшеницы на поле, волосы – солнечное пятно.

Он снова протер глаза, но она не исчезла. Он помахал ей, чувствуя себя как полный дурак. Включил языком рацию и крикнул: «Уйди отсюда!» Она не обращала на него никакого внимания.

– Ну, чего ты там? – нетерпеливо осведомился Райт.

Слушай, сказал себе Стронг: ты взбирался на сотни деревьев и никаких дриад на них не видал. Их просто не существует, ни на этом дереве, ни на всех остальных. Дриада на ветке? Скажи еще, что у тебя во фляжке шампанское.

Он заставил себя навести на ветку луч. В дереве открылась трещина, и Стронг внезапно ощутил боль.

– Вира, – сказал он. Веревка запела и натянулась, ветвь испустила вздох. – Вира, – повторил Стронг, углубив разрез. – Так держать, мистер Райт. – Невидимый луч резал древесную плоть дюйм за дюймом, ветвь отделялась от родимого дерева и наконец совсем отделилась. – Майна, мистер Райт.

– Есть, мистер Стронг!

Отсекая мелкие сучья, чтобы большая ветвь не застряла, Стронг смотрел во все глаза, но дриаду больше не видел.

Руки снова взялись дрожать, и скоро Стронг увидел такое, от чего они затряслись еще пуще: на срезе, который луч временно заморозил, проступила кровь.

Нет. Не кровь. Красный сок.

Господи, да что с ним такое? Отсеченная ветка плавно шла вниз, не оказывая никакого сопротивления.

– Готово, мистер Стронг, возвращаю конец обратно, – доложил Райт и тут же ахнул: – Ты что, поранился, Том?

– Нет. Это сок.

– Ничего себе сок! Зухр говорит, что он розовый, Синее Небо – что багровый, а потвоему как?

– По-моему, это похоже на кровь. – Стронг переместился на ту сторону ствола, чтобы не видеть обрубок, и стал ждать, когда подадут конец. При этом он пристально изучал следующую по счету ветку, но и на ней дриады не обнаружилось. Приготовившись к очередному разрезу, он вернул себе часть самообладания и почти забыл про кровавый «сок».

Когда вторая ветка поплыла вниз, из новой раны опять просочилась «кровь», и ему опять стало дурно, но уже меньше: он попривык.

Он отделил и послал вниз еще четыре большие ветви. Ему везло: ни одна из них не застряла. Без везения не обойтись, если ветви обрубаются от верхушки дерева, а не снизу, поэтому верхняя обрубка применяется лишь в тех редких случаях, когда есть риск повредить дома, находящиеся в непосредственной близости от дерева. Нижние, самые толстые и длинные ветви нельзя убрать безопасно, если этому препятствуют верхние, поэтому в данном случае «нижний способ» исключен.

После следующих восьми лебедку пришлось перенести на другую сторону, и Стронг обрубил еще восемь – отличные показатели для одного рабочего дня.

– Не хочешь спуститься вниз на ночь? – традиционно спросил Райт.

– Черта с два, – столь же традиционно ответил Стронг.

– Обычай сидеть на дереве до победного конца не должен применяться к таким вот гигантам, – заметил Райт.

– Не должен, но применяется. Что там на ужин?

– Мэр готовит для тебя фирменное блюдо, сейчас на лифте пришло. Ты тоже туда залезай: поменяем тросы и спустим тебя к палатке.

– Ладно, давай.

– Мы ночуем в гостинице, но наушник я не сниму: вдруг тебе что понадобится.

Мэр пришел только через полчаса, но блюдо, присланное им, того стоило. Стронг воздал еде должное, сидя по-турецки перед палаткой. Солнце уже закатилось, и птицы ха-ха, пронизывая листву красными бликами, шумно прощались с ушедшим днем. Заметно похолодало – обогреватель пришлось включить сразу же после ужина. Производители позаботились не только о физическом, но и о духовном комфорте пользователя, придав устройству вид маленького костра. Поворотом диска пламени можно было придать желтый, оранжевый или вишневый оттенок. Стронг выбрал вишневый; крошечные атомные батарейки излучали тепло и скрашивали его одиночество.

Вскоре взошли все три луны Омикрона-18: их разнообразный переливчатый свет сквозь ветки, цветы и листья успокаивал, навеивая сон. Птицы ха-ха на ночь уgomонились, и вокруг, за отсутствием поющих насекомых, настала полная тишина. Когда стал виден пар от дыхания, усталый Стронг переместился в палатку, оставив свой «костерок» у входа. За костром тянулась вдаль серебристая ветвь с неподвижными серебристыми листьями.

Дриада показывалась ему по частям: мерцающие серебром рука и нога, серебряный промельк лица, темный промежуток на месте туники. Потом фрагменты слились воедино, и она, представ во всей своей бледной прелести, вышла из тени и села по ту сторону от костра. Стронг наконец-то увидел вблизи ее прекрасное лицо с яркой синевой глаз. Некоторое время оба молчали, окутанные тьмой и серебром тихой ночи, потом он спросил: *Это ведь тебя я видел сегодня?*

В некотором смысле, – сказала она.

Ты и живешь здесь, на дереве.

На свой лад, – сказала она и спросила: Почему земляне убивают деревья?

Стронг подумал и ответил: *По разным причинам. Синее Небо делает это, чтобы использовать то единственное, чего не сумели отнять у его расы белые: пренебрежение к большой высоте. При этом наш коренной американец внутренне корчится от ненависти к себе, ибо творит с другими планетами то же самое, что белые сотворили с его землей. У Зүхра душа большой обезьяны, и убийство деревьев для него, как магия слов для писателя, живопись для художника, сочинение музыки для композитора.*

А ты сам?

Стронг понял, что солгать ей не сможет. *Потому что так и не вырос. Потому что мне нравится, когда мной восхищаются, хлопают меня по спине и ставят мне выпивку. Когда хорошенькие девушки на меня оборачиваются. Потому что компании наподобие «Древопопала», учитывая незрелость сотен таких же, как я, снабжают нас красивой зеленой формой, отправляют в специальные школы и вбивают нам в головы, что примитивные методы валки деревьев делают тебя чуть ли не полубогом для наблюдающих снизу, а сам ты чувствуешь себя настоящим мужчиной.*

Ловите нам землян, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвету, – сказала она.

Ты украла это из моей головы и повторила неправильно. Не землян, а лис и лисенят¹.

Лисам самоутверждаться не нужно. Я сказала всё правильно.

Да, – согласился он. – Ты сказала всё правильно.

Теперь мне пора – надо готовиться к завтрашнему дню. Я буду на каждой ветке, которую ты отсекаешь. Каждый опавший лист будет моей рукой, в каждом погибшем цветке ты увидишь мое лицо.

Я сожалею, – сказал он.

Знаю, но сожалеющая твоя часть живет только ночью и умирает с рассветом.

Я ужасно устал. Хочу спать.

¹ См. Песнь песней, 2:15

Так спи же, малютка землянин. Спи у своего костерочка, в своей палаточке, в своей уютной постельке. Сладких тебе снов.

День второй

Его разбудили птицы ха-ха. Он вылез из палатки и увидел, как они кружат в зеленых коридорах и лиственных окнах, розовых от зари. Стронг, стоя на ветке, потянулся, наполнил легкие свежим утренним воздухом, включил рацию.

– Что на завтрак, мистер Райт?

– Оладушки, мы их как раз уминаем. Не волнуйся, жена мэра и тебе напечет. Хорошо спал?

– Нормально.

– Рад слышать, у тебя на сегодня полно работы. Займемся большими девочками. Как там дриады?

– Никак. Забудь про дриад и тащи мне олады.

– Сделаем, мистер Стронг.

После завтрака Стронг загрузил палатку, спальник и обогреватель обратно в лифт и поднялся на нем туда, где закончил вчера. Надо было спустить вниз обе веревки: страховочную из-за ее ограниченной длины, рабочую потому, что она висела слишком высоко и не обеспечивала нужной подъемной силы. Управившись с этим, он взялся за первую ветку. Прошел по ней девяносто футов, прикрепил зажим, скомандовал Райту «вира». Далеко внизу виднелись дома и дворы. Лесовозы стояли в ряд, готовые везти на лесопилку сегодняшнее сырье.

Веревка натянулась. Стронг вернулся к стволу, нацелил резак, положил палец на спуск.

Я буду на каждой ветке...

Сон, виденный ночью, нахлынул вновь. Он посмотрел в конец большой ветки, где мерцали на солнце мелкие, и на сей раз удивился тому, что дриаду *не* видит. Подождав немного, он вернул взгляд куда положено и прицелился заново.

«Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал»², – произнес он мысленно, нажимая на спуск.

– Майна, мистер Райт.

Пока отрубленная ветвь плыла вниз, Стронг отсекал от нее боковые сучья. Большей частью они застрянут в листве, потом упадут на землю. С самыми мелкими он возиться не стал и перенес внимание на следующую цель. Один листок задел его щеку; Стронг отпрянул, как от прикосновения женщины, и яростно вытер лицо.

Он не сразу сообразил, что его пальцы покраснели от крови – то есть не от крови, от сока – еще до того, как он это сделал. От этого ему стало чуть легче, но ненадолго – пока он не увидел «кровь» на новом обрубке, который на один безумный момент показался ему культей женской руки.

– Том! – звучало у него в голове. – Том, ты в порядке? – Стронг, опять-таки не сразу, осознал, что голос Райта идет не из мозга, а из наушника.

– Да?

– Я спрашиваю, в порядке ли ты.

– Да... в порядке.

– Чего ж не отвечаешь тогда? Менеджер лесопилки говорит, что вся древесина, которую они получили от нас, наполовину гнилая – вряд ли они смогут ее использовать. Ты поосторожней там: проверяй развилки, когда пропускаешь веревку.

– По-моему, это вполне здоровое дерево.

– Может, и так, но не слишком на него полагайся. Что-то тут не сходится. Я послал образцы сока в лабораторию тут, в деревне. Результаты такие: в исходной стадии, до фото-

² О. Уайльд, Баллада Редингской тюрьмы. Здесь и далее в переводе Н. Воронель.

синтеза, концентрация питательных веществ необычайно высокая, а после фотосинтеза в нем вдвое больше кислорода и гидроокиси углерода, чем надо для поддержания жизни тысячефутового дерева. Кроме того, там не нашли никакого пигмента, который мог бы окрасить сок в такой цвет. Может, нам просто мерещится, что мы видим кровь.

– А может, это дерево заставляет нас поверить, что мы видим кровь, – сказал Стронг.

– Перебрал ты с дриадами, мистер Стронг, – засмеялся Райт. – Следи за собой.

– Угу, – буркнул Стронг, отключаясь.

По крайней мере, эта «кровь» беспокоит не его одного. Следующий разрез ему дался гораздо легче, хотя «крови» выступило хоть отбавляй. Съехав в люльке на следующий участок, он наступил на что-то мягкое – слетевший сверху цветок. Стронг поднял его: тот, даже раздавленный, сохранил поразительное сходство с женским лицом.

Стронг яростно атаковал дерево, пытаясь притупить свои ощущения. Багровый сок покрывал его с головы до ног, но он принуждал себя не обращать на это внимания. Игнорировал листья и цветы, порой касавшиеся его. К полудню он добрался до ветки, где ночевал, оставив за собой триста футов очищенного от веток ствола.

Он прикинул в уме. Высота верхушки около девяноста футов, от земли до первой ветки двести восемьдесят семь, обработал он триста – стало быть, еще примерно триста пятьдесят остается.

Перекусив сухим пайком, он вернулся к работе. Солнце теперь припекало, а веток и листьев, дававших вчера тень, больше не было. Люльку приходилось переносить все ниже и ниже, но рабочая веревка этого не требовала из-за увеличившейся длины нижних веток: Стронг помимо воли дивился их габаритам. Даже зная, что такая веревка не рвется, страшно вато смотреть, как тонкий тросик переводит бревно длиной двести-триста футов из горизонтального положения в вертикальное и бережно опускает наземь.

По мере продвижения Стронга вниз дерево «кровоточило» все больше. «Кровь» из верхних обрубков капала вниз, пачкала руки и одежду, превращая работу в сущий кошмар. Сдаться Стронгу не давало только сознание, что в случае отказа за дерево примется Зухр, вынудивший травинку ненамного короче; представлять, как резакom орудует это бесчувственное животное, было по-своему еще хуже «крови». Поэтому Стронг держался, и к концу рабочего дня ему осталось меньше двухсот футов.

Он разбил палатку на самой верхней из оставшихся веток, футов на пятьсот от вершины, и попросил прислать снизу воду, мыло и полотенца. Получив это, он разделся, вымылся, постирнул спецодежду в оставшейся воде и повесил сушиться над обогревателем. Ему сразу же стало лучше. Он сидел в одеяле перед палаткой и ел новое фирменное блюдо, которое ему приготовили. К концу ужина, когда вышли звезды, одежда успела высохнуть. Он оделся, открыл термокружку с кофе и закурил, гадая, придет ли она этой ночью.

Стало холодно. Вошла первая луна, за ней еще две. Их свет преобразил дерево: ветки, включая и ту, где сидел Стронг, сложились в лепестки большого цветка. Иллюзию нарушал безобразный обрубленный ствол в сердцевине, но Стронг почему-то глаз от него не мог отвести. Взгляд уходил все выше, охватывая созданную его трудами карикатуру. Вот и вершина, похожая на женские волосы, а в ней белеет при свете лун одинокий цветок.

Стронг протер глаза, но цветок никуда не исчез. Совсем не похожий на остальные, он распустился над той развилкой, где Стронг впервые увидел кровь. Луны светили все ярче. Стронг ухватился за рабочую, приятную на ощупь веревку и неожиданно для себя полез вверх. Все выше и выше, в лунное волшебство.

Бицепсы под рубашкой вздувались, нижние ветви раскинулись серебряной паутиной внизу. Добравшись до места прикрепления люльки, Стронг отцепил ее и перекинул через плечо. Он не чувствовал ни усталости, ни одышки – они настигли его только у начала рабочей веревки. Стронг стал забрасывать ее вверх раз за разом. На девятом броске он поднялся к раз-

вилке, где впервые прикрепил люльку. Грудь сжимало, в мышцах пульсировала боль. Последний отрезок ствола он преодолел в шпорах. Дриада сидела чуть выше, и лунный цветок был ее лицом.

Она подвинулась, и он сел рядом с ней. Дерево внизу выглядело как перевернутый зонтик, огни деревни сквозили в листве разноцветными дождевыми каплями. Стронг заметил, что она похудела и побледнела против вчерашнего, увидел в ее глазах грусть.

Ты хотела убить меня, да? – спросил он, отдышавшись немного. – *Не думала, что я смогу взобраться так высоко.*

Я знала, что сможешь. Я убью тебя завтра.

Как?

Не знаю пока.

За что ты хочешь меня убить? Есть ведь другие деревья – не здесь, так в других краях.

Для меня есть только одно.

Мы с ребятами всегда шутили насчет дриад. Нам как-то не приходило в голову, что если они существуют на самом деле, то мы для них самые ненавидимые существа во вселенной.

Ты не понимаешь, – сказала она.

Нет, понимаю. Что бы я сам чувствовал, если бы кто-то взялся разрушать мой собственный дом?

Все совсем не так.

Почему не так? Это дерево – твой дом, разве нет? И ты живешь здесь одна?

Да. Одна.

Я тоже один.

Не сейчас. Сейчас ты не одинок.

Да, верно.

Лунный свет струился сквозь листья, осыпая их серебром. Великое пшеничное море из золотого тоже стало серебряным; сухое дерево вдалеке казалось мачтой затонувшего корабля, его ветви – реями, где паруса листвы вздувались когда-то от летних гроз, от теплого весеннего ветерка, от холодных дуновений предзимья.

Что делает дриада, когда ее дерево умирает?

Умирает вместе с ним, – ответила она, не успев Стронг спросить.

Почему так?

Тебе не понять.

Утром я подумал, что ты мне приснилась, – помолчав, сказал он. – Уверен был, что приснилась.

Так и нужно. Завтра утром ты опять так подумаешь.

Нет!

Да. Подумаешь потому, что должен так думать. Если бы ты думал иначе, не смог бы убить мое дерево. Не вынес бы вида «крови». Счел бы себя безумным.

Ты, возможно, права.

Знаю, что права. Завтра ты спросишь себя, откуда могла взяться дриада, да еще говорящая по-английски. Как она могла цитировать что-то из твоей головы и каким образом заставила тебя взобраться на высоту пятисот футов с риском для жизни, чтобы поболтать с ней на лунной ветке.

И правда, как? – сказал он.

Вот видишь. Еще и не рассвело, а ты уже сомневаешься. Опять начинаешь думать, что я – всего лишь игра света на листьях, романтический образ, порожденный твоим одиночеством.

Есть способ это проверить. Он потянулся к ней, но она отодвинулась. Он двинулся следом, и сучок прогнулся под ним.

Не делай этого, – попросила она, став такой прозрачной, что он видел сквозь нее звездное небо.

Так и знал, что ты не настоящая. Ты просто не можешь быть настоящей.

Она промолчала. Теперь он видел на ее месте только листву, лунный свет и тени, ничего больше. Подвигаясь обратно к стволу, он услышал треск, но сук отломился не сразу: Стронг успел обхватить ствол руками и запустить в него шпоры.

Он, не шевелясь, прилип к дереву. Сук с шорохом пронизал листву далеко внизу и с легким стуком упал на землю.

Лишь тогда Стронг начал спуск, показавшийся ему бесконечным. Залез в палатку, придвинул поближе искусственный костер. Усталость жужжала в мозгу, как сонный пчелиный рой. Всё, хватит с него. К черту традиции: с ветками он закончит, а остальное пусть Зухр доделывает.

Но зачем врать себе самому? Стронг прекрасно знал, что не даст Зухру в руки резак, не подпустит эту гориллу к своему дереву. *Это* дерево должен убить человек.

Заснул он, думая о последней ветке.

День третий

Она-то его чуть было и не прикончила. В полдень, разделавшись с остальными, он сделал перерыв на обед, хотя есть ему не хотелось. Дерево с обрубленными ветками, грациозное на первых ста восьмидесяти семи футах, гротескное на следующих шестистах сорока пяти и вновь хорошеющее на девяноста последних, вызывало у него отвращение. Только мысль о Зухре, лазящем по обреченным веткам, позволяла ему продолжать. Если то, что ты любишь, должно умереть, убей его сам: только любящий способен проявить милосердие, убивая.

Первая, она же последняя, ветвь нелепо простиралась футов так на пятьсот. Выйдя на нее после обеда, Стронг прикрепил зажим на расстоянии трехсот тридцати футов от ствола. Зажим, самый большой в инвентаре компании, при всей своей легкости был громоздким; поставив его как надо, Стронг остановился передохнуть.

Ветка, достаточно узкая в этом месте, позволяла заглянуть за ее край. У Стронга собралось порядочно публики кроме Райта, Зухра и Синего Неба: водители лесовозов и колонисты, столпившиеся на улицах за огороженной зоной. Их присутствие не вызвало в нем обычного приятного трепета: он думал, что они станут делать, если он скинет ветку вниз прямо так, без веревки. Домов двадцать она точно накроет, а при аварийном обрушении снесет и все тридцать. Поймав себя на этих еретических мыслях, Стронг включил рацию:

– Травы, мистер Райт.

Натянувшаяся веревка создала эффект подъемного моста, подвешенного лишь на одном канате. Стронг, вернувшись к стволу, наставил резак. Когда луч вошел в дерево, из листвы на конце ветки взмыли птицы ха-ха.

– Еще чуток, мистер Райт.

Ветвь со стоном приподнялась. Птицы, трижды облетев вокруг дерева, поднялись к вершине и скрылись из глаз. Стронг находился на солнечной стороне и хорошо видел сок, проступающий из разреза. Содрогнувшись, он стал резать дальше.

– Так держать, мистер Райт.

Чудовищная ветвь поднималась кверху дюйм за дюймом, фут за футом. Она намного превышала все прочие, тоже огромные.

– Чуть быстрее, мистер Райт, она ко мне клонится.

Ветвь снова откачнулась к стволу. Стронг глянул вниз. Синее Небо с Зухром уже распилили предпоследнюю ветку на чурбаки для погрузки и пристально наблюдали за ним, но Райт, стоя у лебедки, смотрел только на подвешенную в воздухе ветвь. Земля внизу, как и все трое древосеков, была заляпана красным.

Стронг, утершись не менее замызганным рукавом, сосредоточился на резке. Настал критический момент: обрубаемая часть встала почти перпендикулярно к началу. Стронг снова вытер лицо. Господи, как печет, и нет тени, чтобы укрыться. Совсем никакой. Ни пяди. Сколько бы стояла древесная тень, если бы в галактике вдруг обнаружился ее дефицит, и как бы ее продавали? Кубами, по температуре, по качеству?

Доброе утро, мадам. Хочу предложить вам древесную тень. У нас имеются товары всех видов: ивовая, дубовая, яблоневая, кленовая, и это еще далеко не всё. Сегодня у меня спецпредложение: редчайшая тень, только что доставленная с Омикрона Кита-18. Глубокая, темная, освежающая – как раз то, что нужно после целого дня на солнце. Последняя в наличии! Вы думаете, что хорошо рабаетесь в тени, мадам, но такой вы еще ни разу не видели. В ней кружили прохладные ветры, в ней пели птицы, в ней резвились дриады...

– Эй, Стронг! Берегись!

Он всплыл, как ныряльщик из морской глубины. Ветвь, отрезанная неровно, накренилась к нему. Кора скрежетала о кору, «кровь» хлестала ручьем. Стронг хотел отскочить, но будто

налившиеся свинцом ноги приросли к месту. Он мог лишь смотреть, как она приближается, и ждать, когда многотонная громада расплющит его в лепешку, смешав его кровь со своей.

Он закрыл глаза. «Я убью тебя завтра», – сказала она. Вербка натянулась до отказа, приняв на себя полный вес груза, дерево содрогнулось, но смертельного удара не последовало. Стронг стоял, зажмурившись, и чувствовал, что время остановилось.

– Стронг! Бога ради, уйди оттуда!

Он решился снова открыть глаза. Ветвь в последний момент отклонилась обратно. Ноги ожили, и Стронг кое-как переполз на другую сторону. Дерево все еще содрогалось; чтобы удержаться в люльке, он цеплялся за кору. Когда шоковые волны затихли, он вернулся назад, где висела на веревке последняя ветвь.

– С тебя достаточно, Стронг. Спускайся немедленно.

Райт стоял, подбоченясь, и смотрел на него сердито. Место у лебедки занял Синее Небо, Зухр надевал страховочный пояс, ветвь опускалась вниз.

Ну вот и всё, сказал себе Стронг. Почему он не чувствует облегчения – он ведь хотел прекратить это? Откинувшись назад в люльке, он посмотрел на свою работу: уродливые обрубки и лишившуюся тела вершину, невыносимо прекрасную. Скорее золотая, чем зеленая, больше похожая на женские волосы, чем на ветки и листья...

– Стронг, слышишь меня? Спускайся!

В эти золотые локоны теперь заберется Зухр, запустит в них свои лапы, изнасилует, уничтожит. Будь это Синее Небо, Стронг не беспокоился бы, но Зухр!

Отрубленная ветвь уже легла наземь, веревка освободилась. Стронг смотал ее и повесил на плечо.

– В последний раз говорю: слезай!

– Иди к черту, Райт. Это мое дерево, – сказал Стронг и полез вверх.

На первых ста футах Райт ругал его почем зря, но сменил гнев на милость, когда Стронг долез до середины ствола.

– Ладно, Том, заканчивай с ним, раз уж начал. Зачем по веревке лезть, садись в лифт.

– Пошел ты со своим лифтом.

Он знал, что ведет себя неразумно, ну и плевать. Ему хотелось прикладывать усилия, хотелось испытать боль. Боль началась футов за двести от блока и стала довольно сильной у самой развилки, но Стронг нашел ее недостаточно сильной. Не останавливаясь, он закинул веревку вверх и продолжил подъем. Еще через три броска он долез до первой верхушечной ветки и с благодарностью пристроился в прохладной тени. Мышцы болели, легкие жгло, в горле точно грязь запеклась. Немного опомнившись, он попил из фляжки и стал отдыхать, не думая, не шевелясь, ничего не чувствуя.

– Ты хоть и дурак, но хороший древосек, мистер Стронг, – сказал ему Райт, но у него не хватило сил для ответа. Вскоре ему полегчало; он встал на ветку, покурил, закинул веревку чуть выше и осмотрел вершину с нового места. Он не ждал по-настоящему, что увидит дриаду, просто хотел удостовериться, что здесь ее нет. Птицы ха-ха смотрели на него глазками-полумесяцами, цветы нежно белели, окропленные солнцем листья трепетали от бриза. Он позвал бы ее, если б знал ее имя. Если оно у нее вообще есть. Взгляд скользил по цветам, по непривычным узорам веток и листьев. Если ее нет здесь, то и нигде нет. Ночью она, правда, могла спрятаться в одном из пустых домов, но Стронг не очень-то в это верил. Дриада, если она настоящая, а не плод его фантазии, ни за что бы не покинула дерево – а если она ему померещилась, то и говорить не о чем. Теперь вот даже и не мерещится: ни лица-цветка, ни туники из листьев, ни длинной руки и ноги пшеничного цвета, ни солнечной массы волос. Стронг вздохнул – то ли с облегчением, то ли разочарованно. Он боялся увидеть ее – что бы он стал тогда делать? – но вдруг понял, что и не увидеть тоже боялся.

– Ты что там делаешь, мистер Стронг? С дриадой своей прощаешься?

Вздрыгнув, он посмотрел вниз. Крошечные Райт, Зухр и Синее Небо были почти неразличимы отсюда.

– Просто смотрю на нее, мистер Райт – на верхушку то есть. В ней почти девяносто футов, можно ее скинуть всю целиком?

– Рискнем, мистер Стронг. Но все остальное будешь подавать пятидесятифутовыми отрезками, пока диаметр ствола позволяет.

– Ладно, приготовьтесь тогда.

Вершина отдала поклон небу и поплыла вниз зеленым облаком, роняя листья, как летний дождь. Алая стайка птиц ха-ха унеслась к далекому горизонту. Дерево дрогнуло, как плечи рыдающей женщины.

– Хорошо прошло, мистер Стронг. Теперь за тобой, по моей прикидке, одиннадцать пятидесятифутовых кругляков. Потом диаметр увеличится, и придется срезать два стофутовых. Если спустишь их правильно, они нам хлопот не причинят. Под конец остается около двухсот футов – последние пятьдесят придутся на улицу. Обмозгуем это, когда спустишься. Всего, стало быть, четырнадцать срезов. Успеешь сегодня?

Стронг посмотрел на часы.

– Сомнительно, мистер Райт.

– Сделай, что успеешь, остальное отложим на завтра. Смотри только не рискуй зря.

Первый пятидесятифутовик ткнулся в чернозем, покачался, опрокинулся на бок. За ним последовали второй, третий, четвертый. Не странно ли, что физическая активность так хорошо помогает рассудку. Стронгу не верилось, что всего получасом ранее он высматривал в листьях дриаду, а меньше суток назад говорил с ней.

Пятый кругляк, шестой. На седьмом Стронг немного замедлил темп. Здесь, на середине бывшего дерева, диаметр ствола стал футов на тридцать больше. С такой толщиной шулки плохи: чтобы занять правильную позицию, пришлось вбить три колышка и повесить люльку на них. Это позволило Зухру и Синему Небу, сильно отставшим, распилить для лесовозов накопившиеся отрезки ствола. Колонисты, по словам Райта, утратили надежду извлечь прибыль из некачественной древесины и складывали ее подальше от лесопилки, чтобы потом сжечь.

Ветер, задувший чуть раньше, затих, солнце припекало все больше, дерево кровоточило. Стронг все чаще поглядывал вниз: обгаренная «кровью» площадь походила на бойню, но он соскучился по земле под ногами – она манила его даже и «окровавленная».

Посматривал он и на солнце: он пробыл на дереве около двух с половиной суток и не хотел бы провести еще одну ночь на его обрубленном теле. Но последний пятидесятифутовик заставил его признать, что без ночевки все же не обойтись: солнце закатывалось за великое пшеничное море, и Стронг понимал, что с первым стофутовиком до темноты не управится.

На обрубке последней ветви, где он стоял сейчас, можно было поставить двадцать палаток. Райт забросил туда лифтовый трос (сам лифт спустили вниз в середине дня) и прислал Стронгу ужин – опять нечто фирменное. Стронг нехотя ковырялся в еде: вчерашний аппетит бесследно пропал.

Он так устал, что даже и не помылся, хотя воду и мыло Райт тоже прислал. Просто лежал и смотрел, как восходящие луны окутывают звезды серебряным ореолом. Она пришла на цыпочках и села рядом, глядя на него грустными синими глазами. При виде ее худобы и бледности ему захотелось плакать.

Я искал тебя утром и не нашел, – сказал он. – Куда ты деваешься, когда исчезаешь?

Никуда, – сказала она.

Но должна же ты где-то быть.

Ты не понимаешь.

Да... теперь уж, наверно, и не пойму.

Нет, поймешь. Завтра.

Завтра будет поздно.

Сегодня тоже поздно, и вчера было поздно. Поздно стало еще до того, как ты впервые поднялся на дерево.

Скажи: ты из тех, кто построил эту деревню?

На свой лад, – сказала она.

Сколько же тебе лет?

Не знаю.

Ты помогала строителям?

Я построила всё сама.

Ну, уж это ты врешь.

Я никогда не лгу.

Что случилось с коренными жителями этой планеты?

Они выросли. Стали из примитивных цивилизованными, начали высмеивать обычаи предков, как невежество и суеверие, завели собственные обычаи. Стали изготавливать вещи из железа и бронзы и меньше чем за сто лет нарушили природное равновесие, которое не только сохраняло им жизнь, но и придавало ей смысл. Подорвали свою жизненную силу, иными словами. Поняв, что натворили, они пришли в ужас, но ничего уже не смогли исправить.

И погибли?

Ты же видел их деревни.

Да, видел. И читал отчет прогрессистов о пещерах, куда они отправились умирать вместе со своими детьми. А как же эта деревня? Они могли бы спасти ее, вовремя повалив свое дерево.

Ты так ничего и не понял. Чтобы получить что-то, надо дать что-то взамен. Одни нарушили этот закон раньше, другие позже, но от расплаты никто не ушел.

М-да, понять трудновато.

Ты всё поймешь завтра.

Прошлой ночью ты пыталась убить меня. Почему?

Я не пыталась, ты всё делал сам. Я хотела убить тебя сегодня.

Той веткой?

Той веткой.

Но как?

Не важно. Главное, что не убила. Не смогла.

Куда же ты пойдешь завтра?

Что тебе за дело, куда я пойду.

Мне есть дело.

Уж не влюбился ли ты в меня?

Очень может быть.

Нет... не может.

Потому что я не верю в твою реальность?

А ты ведь не веришь, правда?

Не знаю даже. То верю, то нет.

Я такая же настоящая, как и ты, только на свой лад.

Он решительно потрогал ее щеку, мягкую и холодную. Холодную, как лунный свет, мягкую, как цветок. Она заколебалась, превращаясь в светотень, в цветы, в листья, и голос ее стал таким слабым, что Стронг едва разобрал слова.

Напрасно ты это сделал. Надо было поверить в меня, а ты всё испортил. Последнюю свою ночь мы проведем врозь.

Значит, ты все же не настоящая, – сказал он. – И никогда не была настоящей.

Нет ответа.

Ты просто игра моего воображения. Но как же тогда ты могла сказать мне то, чего я не знал?

Нет ответа.

По-твоему, то, что я делаю – преступление, но это не так. Когда дерево представляет угрозу для общины, его убирают.

Нет ответа.

Тем не менее я всё бы отдал, чтобы не делать этого.

Молчание.

Всё на свете бы отдал...

Тихо, и никого рядом. Стронг, полуживой от усталости, залез в палатку, втянул туда же обогреватель, забрался в спальник, охватил онемевшими руками лишённые чувствительности колени, продолжая бормотать:

– Всё на свете.

День четвертый

Его разбудило солнце, светящее сквозь стенку палатки.

Алые птицы больше не встречали рассвет своим пением. Дерево молчало, пустое и мертвое, только на одной обрубленной ветви еще сохранилось немного цветов и листьев. Он старался на них не смотреть.

Утро было прекрасное. С великого пшеничного моря поднимался туман, перистые облачка в небе напоминали свежевystиранное белье. Стронг посмотрел вниз: Райт смазывал лебедку, Зухр распиливал последний пятидесятифутовик, Синего Неба в поле зрения не было.

– Что ж раньше не разбудил, мистер Райт?

Тот поднял глаза.

– Думал, тебе не повредит придавить еще малость.

– Правильно думал. А индеец наш где?

– Бизоны снова его настигли. Он топит их в баре.

На площадь въехал двухколесный гиромобиль, из него вылез толстяк с корзинкой: мэр привез завтрак. Они со Стронгом помахали друг другу.

Наспех проглотив яичницу с ветчиной и кофе, Стронг свернул палатку и отправил ее вниз на лифте вместе с обогревателем и спальником. Первый сегодняшний кругляк обещал быть значительно ниже ста футов, поскольку обрубок ветки торчал на трехсотфутовой высоте. Выполнив срез идеально, Стронг съехал на люльке вниз. Высота следующего должна быть не меньше ста двадцати, чтобы напоследок осталось двести.

Вымерив расстояние, Стронг сделал отметку на той стороне, куда новый кругляк требовалось свалить, и перешел на другую: выпуклости и трещины коры делали это сравнительно легким. Площадь стала намного ближе, чем в последние дни; дома, улицы и толпы любопытных колонистов смотрелись странно.

Точно напротив отметки Райт дал команду вбить колышек. Мгновенно перевесив на него люльку с верхней зацепки, Стронг откинулся назад, уперся ногами в кору и стал резать.

Сначала потихоньку: он имел дело с тоннами древесины, которые при малейшей промашке могли обрушиться на него. Процесс осложняло то, что резать приходилось выше колышка, держа инструмент в вытянутой руке и направляя луч под нужным углом. Это требовало хорошего глазомера. Обычно зрение Стронга не подводило, но сегодня его затуманивала усталость. Он сам не знал, до чего вымотался, пока не услышал крик Райта.

Его сбили с толку бугры на коре – из-за них луч шел неверно. Осознание своей ошибки мало ему помогло: стодвадцатифутовый кряж уже кренился к нему, и остановить его Стронг не мог.

Все равно что висеть на утесе и видеть, как верхняя его часть рушится на тебя. В данном случае это дерево, а не камень, но разницы никакой: расплющит, как комара.

Стронг ничего пока не чувствовал, даже ужаса. Просто смотрел с интересом, как кругляк заслоняет солнце и трещины в коре разверзаются, как устья черных пещер. Голос, который он слышал, наверняка шел из его собственной головы, но был слишком сладок и мелодичен для этого:

В трещину, быстро!

Не видя ее, не будучи даже уверен, что это она, он отреагировал мгновенно и втиснулся как можно глубже в ближайшую щель. И вовремя: в следующее мгновение кряж с грохотом обрушился вниз, вырвав из ствола стальной колышек.

В трещину тут же проникло солнце: Стронг был там один. Кряж грохнулся оземь и покати́лся по площади. Стронг чуть ли не с надеждой ждал треска, звона быющегося стекла и других признаков разрушения, но ничего не услышал.

Дна у трещины не было. Он держался, упершись коленями в одну стенку, спиной в другую. Кое-как выбравшись наружу, он посмотрел вниз.

Кругляк пропахал глубокую борозду, выворотил из земли чьи-то кости и остановился у первого ряда домов. Райт и Зухр бегали вокруг в поисках расплющенного Стронга. Из его глотки слышались странные отрывистые звуки: смеялся, конечно, он сам, ведь здесь никого больше не было. Истерический смех разбирал его, пока грудь не заболела и не стало трудно дышать. Успокоившись, он включил рацию и спросил:

– Не меня ищете, мистер Райт?

Райт замер, поднял голову, посмотрел и молча вытер лицо рукавом рубашки.

– Что тут скажешь, мистер Стронг. Твоя дриада хорошо за тобой присматривает. Давай-ка спускайся, хочу тебе руку пожать.

До Стронга не сразу дошло, что спускаться и правда можно. Его работа закончена, остался только комлевой срез.

Он заново вогнал в дерево болтающийся колышек и съехал вниз по страховочной веревке, притормаживая через каждые пятьдесят футов. На последнем отрезке он выскочил из люльки и прыгнул. Солнце стояло в зените: он пробыл на дереве трое с половиной суток.

Райт потряс ему руку, Зухр тоже. К ним примкнул мэр, который привез фирменную еду для всех, а также складной стол и стулья.

– Мы никогда не забудем тебя, мальчик мой, – говорил он, качая двойным подбородком. – Вечером я созвал срочное заседание совета, и мы единогласно решили поставить тебе памятник здесь, на площади, когда пень уберут. На постаменте напишем: «Человек, спасший нашу деревню». Ты настоящий герой и заслужил это. Более Материальная награда тоже последует: сегодня ты и твои друзья будете моими гостями – всё за счет заведения.

– Как же я ждал этих слов, – сказал Зухр.

– Не преминем воспользоваться, – сказал Райт.

Стронг промолчал, и все четверо сели обедать. Стейки прибыли из южного полушария, грибы – с Омикрона Кита-14. Им сопутствовали салат, зеленый горошек, свежий хлеб и кофе с абрикосовым пирогом. Стронг ел без всякого аппетита; чего ему хотелось, так это выпить, но было еще слишком рано. Сначала последний кряж, потом выпивка. Поможем Синему Небу топить бизонов за счет заведения. «Человек, спасший нашу деревню». Повтори, бармен. *Не в красном был я в этот час, я кровью залит был, бармен. Да, красной кровью и вином я руки обогрил, когда любимую свою в постели я убил.*

Зато у мэра аппетит был отменный. Деревня спасена, можно спокойно сидеть у огня и считать бумажки. Не надо больше беспокоиться из-за дерева. Стронг, как тот голландский мальчик, заткнул пальцем течь в плотине и спас бургерские дома от потопа.

Он порадовался, когда все доели и Райт спросил:

– Ну, мистер Стронг, что скажешь?

– Давай уже прикончим его, мистер Райт.

Они встали. Мэр сложил стол и стулья в гиромобиль и присоединился к другим колонистам за ограждением. Деревня сверкала на солнце: улицы будто только что вымыли, пряничные домики только что испекли. Стронг чувствовал себя уже не голландским мальчиком, а Джеком – победителем великанов. Пора срубить бобовый стебель под корень.

Он сделал глубокую зарубку, чтобы свалить кряж в нужную сторону, и обошел ствол вместе с Райтом и Зухром. Все трое молчали. Он отвык ступать по твердой земле, привык ощущать люльку под собой и натянутую веревку у пояса. Носки сапог покраснели от ходьбы по красной траве. Он поднял лучевик и начал последний срез. *Трус – поцелуем, древесек – кинжалом наповал.* Разрез наливался красным. *Новейшая модель кинжалов, производимая в Нью-Америке на Венере. Никогда не тупятся и не знают пощады.*

«Кровь» струилась по коре, обагрив траву. Невидимое лезвие резака ходило туда-сюда. Двухсотфутовый обрубок, бывший ранее гордым высоким деревом, содрогнулся и начал падать – медленно, с хрустом и шорохом. Земля сотряслась, приняв его на себя.

Огромный пенек окрасился в алый цвет. Стронг, выронив резак, подошел к исполинскому кряжу, упавшему, как и намечалось, на улицу между двумя рядами домов. Стронгу было наплевать на дома, они его и раньше особо не волновали. Он шел, глядя в землю, и на краю площади увидел ее. Знал, что увидит, если будет смотреть достаточно пристально. Вот она: солнце, и луговые цветы, и колеблемая ветром трава. Не вся, только торс, руки, грудь и прелестное умирающее лицо. Остальное – маленькие ступни в сандалиях из листьев, голени, бедра – раздавлено кругляком.

– Прости меня, – сказал он, а она улыбнулась, кивнула и умерла, но солнце, и луговые цветы, и трава никуда не исчезли.

Эпилог

Человек, спасший деревню, поставил локти на стойку бара, бывшую некогда алтарем, в гостинице, бывшей некогда храмом.

– Вот и мы, мэр. Пришли бизонов топить.

Мэр, заменивший бармена ради такого случая, недоуменно нахмурился.

– Выпить всего лишь, – пояснил Райт.

– Могу предложить наш лучший марсианский бурбон, – просиял мэр, – произведенный из отборнейшего маиса Эритрейского моря.

– Давай, лезь в погреб, тащи обросший паутиной сосуд, – одобрил Стронг. – Отведаем.

– Бурбон отличный, но бизонов в нем не утопишь, – вставил Синее Небо. – Я тут с утра торчу, знаю.

– Иди ты со своими бизонами, – сказал Зухр.

Мэр, поставив стаканы перед Райтом, Стронгом и Зухром, наполнил их золотистой жидкостью.

– У меня тоже пусто, – заметил Синее Небо. Мэр налил и ему.

Колонисты из уважения к древосекам к стойке не лезли, но все столики были заняты. Время от времени кто-то произносил тост: за Стронга в частности, за древосеков в целом – и все, мужчины и женщины, вставали и пили до дна.

– Шли бы лучше домой и оставили меня в покое, – пожелал Стронг.

– Не пойдут, – разуверил Райт. – Ты их новый кумир.

– Еще, мистер Стронг? – спросил мэр.

– И еще, и еще. Надо смыть из памяти это скотство.

– Чье, мистер Стронг?

– Да хоть бы и твое, жирный коротышка-землянин.

– Они надвигались из-за горизонта в облаке пыли, взметаемой их копытами, – изрек Синее Небо, – и были прекрасны в своем косматом могуществе и величественны, как сама смерть.

– Ловите нам ничтожных землян, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвету.

– Том, – сказал Райт.

– Можно я подам заявление об уходе? В жизни больше не убью ни одного дерева. Завязываю с нашей вонючей профессией!

– Почему, Том?

Стронг молчал. Пальцы стали липкими от пролившегося бурбона. За стойкой, в бывшей храмовой стене, сохранились резные ниши, где теперь стояли бутылки с вином и виски – всюду, кроме одной.

– Что там за кукла, мэр? – спросил он, чувствуя, как пульсирует кровь в голове.

– Где? А, эта... Туземцы держали такие фигурки над очагами для защиты домов. – Мэр поставил ее перед Стронгом. – Превосходная работа, не правда ли, мистер Стронг? Мистер Стронг!

Стронг, не отрываясь, смотрел на фигурку. Длинные руки и ноги, маленькая грудь, тонкая шея, прелестное лицо в ореоле желтых волос, зеленая туника из тщательно вырезанных листьев.

– Кажется, это называется «фетиш», – продолжал мэр. – Изображение их главной богини. Мы о них мало что знаем, но они будто бы так в нее верили, что даже могли ее видеть.

– На дереве?

– На нем тоже.

Стронг бережно взял статуэтку в руки. Она подмокла снизу от пролитого виски.

– Выходит, это богиня дерева?

– Не дерева – домашнего очага. Прогрессисты ошибаются, видя в деревьях религиозные символы. Мы живем здесь долго и знаем, что туземцы поклонялись дому, а не деревьям.

– Домашнего очага? Что ж она тогда на дереве делала?

– Прошу прощения?

– Я ее там видел. На дереве.

– Вы шутите, мистер Стронг?

– Черта с два! Она-то и была деревом! – Стронг грохнул по стойке кулаком. – Она была этим деревом, и я убил ее.

– Возьми себя в руки, Том, – сказал Райт. – Все смотрят.

– Я убивал ее дюйм за дюймом, фут за футом. Отрезал ей руки-ноги и убил наконец! – Стронг осекся, сознавая, что случилось нечто из ряда вон. А, вот в чем дело: он не почувствовал боли, ударив по стойке. Его кулак провалился в дерево. Гнилое оно, что ли? Ну да, пахнет гнилью.

Богиня очага. Дома. Деревни.

Стронг, пошатываясь, пробрался между столиками к наружной стене и насквозь пробил кулаком полированную панель. Взялся за край дыры, рванул. Оторвался большой кусок, и гнилью запахло еще сильнее.

Колонисты смотрели на него с ужасом.

– Прогнила ваша гостиница, – сказал Стронг. – Вместе со всей вашей треклятой деревней!

Его разбирал смех.

– Прекрати, Том! – крикнул Райт, закатив ему оплеуху.

– Ты разве не понимаешь, Райт? – Стронгу расхотелось смеяться. – Не врубаешься, как эти деревья достигали такого роста и как потом выживали? Им же тонны питательных веществ требуются! Им нужна почва, которую удобряют покойники и орошают водохранилища, доступные только крупным общинам. И что же эти деревья делали? Веками, а то и тысячелетиями привлекали к себе гуманоидов. Как, спросишь ты? Они выращивали дома! Дома, столь привлекательные для нас, произрастали из их корней. Понял теперь, Райт? Понял, почему в соке содержится столько полезных веществ, кислорода и гидроокиси углерода? Это дерево питало не только себя, но и всю деревню, но вечный человеческий эгоизм и вечная глупость пресекли это!

Стронг взял ошеломленного Райта под руку и вернулся с ним к стойке. Мэр все еще таращился на рваную дыру в дереве.

– Ну что, нальешь еще спасителю твоей драгоценной деревни? – спросил его Стронг. Мэр не шевелился.

– Древние определенно знали об этом и передавали из поколения в поколение – но не как знание, а как суеверие, – рассуждал Райт. – Со временем эта раса по примеру всех повзрослевших рас отказалась от суеверий, научилась пользоваться металлами, проложила канализацию, построила мусоросжигатели и крематории. Они отвергли то, что им обеспечивали деревья, превратили в площади древние захоронения у корней. И нарушили экологический баланс.

– Сами о том не ведая, – подхватил Стронг. – Потом они спохватились, но было поздно: деревья уже начали умирать. Когда погибло первое дерево и первая деревня стала гнить на корню, туземцы ужаснулись: похоже, они любили свои дома так, что жить без них не могли. Потому они и уходили на северные пустоши, потому и совершали массовые самоубийства – или просто замерзали в пещерах смерти.

– Пятьдесят миллионов могучих косматых зверей, – вставил Синее Небо, – жили на плодородных равнинах, ставших теперь Великой Североамериканской пустыней. Питавшая их

травы выростала вновь, удобренная навозом. Пятьдесят миллионов! Когда белый человек спохватился и остановил бойню, их осталось пятьсот.

– Эту деревню, как видно, «модернизировали» в последнюю очередь, – продолжал Райт, – но дерево стало умирать задолго до прибытия колонистов. Вот почему дома прогнили так быстро.

– Смерть дерева ускорила разложение, – согласился с ним Стронг. – Через месяц здесь не останется ни одного дома... но дерево могло бы прожить еще сотню лет, если б местные не тряслись так над своей поганой недвижимостью. Дерево такой величины умирает медленно. Теперь я догадался, почему сок был такого цвета – это наша совесть делала его красным. Думаю даже, что она... что оно хотело умереть поскорее.

– Земля будет все так же приносить урожай, но колонистам придется теперь жить в землянках, – подытожил Райт.

– Возможно, я совершил акт милосердия, – сказал Стронг.

– О чем это вы? – спросил Зухр.

– Пятьдесят миллионов! – сказал Синее Небо. – Пятьдесят миллионов.

У начала времен

Перевод А. Иорданского

1

Карпендер не удивился, увидев стегозабра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, увидев, что на дереве сидят двое детей. Он знал, что со стегозавром рано или поздно повстречается, но встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Ну, скажите на милость, откуда они могли взяться в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед на водительском сиденье своего трицератанка с автономным питанием, он подумал – может быть, они как-то связаны с той непонятной ископаемой находкой из другого времени, ради которой он был послан в век динозавров, чтобы выяснить, в чем дело? Правда, мисс Сэндз, его главная помощница, которая устанавливала по времяскопу время и место, ни слова не сказала ему про детишек, но это еще ничего не значило. Времяскопы показывают только самые общие очертания местности – с их помощью можно еще увидеть средней величины холм, но никаких мелких подробностей не разглядишь.

Стегозабр слегка толкнул ствол гинкго своей гороподобной задней частью. Дерево судорожно дернулось, и двое детей, которые сидели на ветке, чуть не свалились прямо на зубчатый гребень, проходивший по спине чудовища. Лица у них были такие же белые, как цепочка утесов, что виднелись вдали, за разбросанными там и сям по доисторической равнине магнолиями, дубами, рощицами ив, лавров и веерных пальм.

Карпендер выпрямился в своем сиденье.

– Вперед, Сэм, – сказал он трицератанку. – Давай-ка ему покажем!

* * *

Покинув несколько часов назад точку входа, он до сих пор двигался не спеша, на первой передаче, чтобы не проглядеть каких-нибудь признаков, которые могли бы указать на ориентиры загадочной находки. С не поддающимися определению анахронизмами всегда так – палеонтологическое общество, где он работал, обычно гораздо точнее определяло их положение во времени, чем в пространстве. Но теперь он включил вторую передачу и навел все три рогопушки, торчавшие из лобовой части ящерохода, точно в крестцовый нервный центр нахального стегозабра. «Бах! Бах! Бах!» – прозвучали разрывы парализующих зарядов, и вся задняя половина стегозабра осела на землю. Передняя же его половина, получив от крохотного, величиной с горошину, мозга сообщение о том, что случилось нечто неладное, изогнулась назад, и маленький глаз, сидевший в голове размером с пивную кружку, заметил приближающийся трицератанк. Тут же короткие передние лапы чудовища усиленно заработали, пытаясь унести десятитонную горбатую тушу подальше от театра военных действий.

Карпендер ухмыльнулся.

– Легче, легче, толстобокый, – сказал он. – Клянусь тиранозавром, ты не успеешь опомниться, как будешь снова ковылять на всех четырех.

Остановив Сэма в десятке метров от гинкго, он посмотрел на перепуганных детей сквозь полупрозрачный лобовой колпак кабины ящерохода. Их лица стали, пожалуй, еще белее, чем раньше. Ничего удивительного – его ящероход был больше похож на трицератопса, чем многие настоящие динозавры.

Карпентер откинул колпак и отшатнулся – в лицо ему ударил влажный летний зной, непривычный после кондиционированной прохлады кабины. Он встал и высунулся наружу.

– Эй вы, слезайте, – крикнул он. – Никто вас не съест!

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он в жизни видел. Но в них не было заметно ни малейшего проблеска понимания.

– Слезайте, говорю! – повторил он. – Бояться нечего.

Мальчик повернулся к девочке, и они быстро заговорили между собой на каком-то певучем языке – он немного напоминал китайский, но не больше, чем туманная изморось напоминает дождь. А с современным американским у этого языка было не больше общего, чем у самих детей с окружающим их мезозойским пейзажем. Ясно было, что они ни слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но столь же явно было, что они как будто бы успокоились, увидев его открытое, честное лицо или, быть может, услышав его добродушный голос. Переговорив между собой, они покинули свое воздушное убежище и спустились вниз – мальчик полез первым и в трудных местах помогал девочке. Ему можно было дать лет девять, а ей – лет одиннадцать.

Карпентер вылез из кабины, прыгнул со стальной морды Сэма и подошел к детям, стоявшим у дерева. К этому времени стегозавр уже вновь обрел способность управлять своими задними конечностями и во всю прыть удирал прочь по равнине. Мальчик был одет в широкую блузу абрикосового цвета, сильно запачканную и помятую после лазания по дереву; его широкие брюки того же абрикосового цвета, такие же запачканные и помятые, доходили до середины худых икр, а на ногах были открытые сандалии. На девочке одежда была точно такая же, только лазурного цвета и не столь измятая и грязная. Девочка была сантиметра на два выше мальчика, но такая же худая. Оба отличались тонкими чертами лица и волосами цвета лютика, и физиономии у обоих были до смешного серьезные. Можно было не сомневаться, что это брат и сестра.

Серьезно глядя в серые глаза Карпентера, девочка произнесла несколько певучих фраз – судя по тому, как они звучали, все они были сказаны на разных языках. Когда она умолкла, Карпентер покачал головой:

– Нет, это я ни в зуб ногой, крошка.

На всякий случай он повторил те же слова на англосаксонском, греко-эолийском, нижнекроманьонском, верхнеашельском, среднеанглийском, ирокезском и хайянопортском – обрывки этих языков и диалектов он усвоил во время разных путешествий в прошлое. Но ничего не вышло: все, что он сказал, звучало для этих детей сущей тарабарщиной.

Вдруг у девочки загорелись глаза, она сунула руку в пластиковую сумочку, висевшую у нее на поясе, и достала что-то вроде трех пар сережек. Одну пару она протянула Карпентеру, другую – мальчику, а третью оставила себе. И девочка и мальчик быстро приспособили себе сережки на мочки ушей, знаками показав Карпентеру, чтобы он сделал то же. Он повиновался и обнаружил, что маленькие диски, которые он принял было за подвески, – это на самом деле не что иное, как крохотные мембраны. Достаточно было защелкнуть миниатюрные зажимы, как мембраны оказывались прочно прижатыми к отверстию уха. Девочка критически оглядела результаты его стараний, приподнялась на цыпочки и ловко поправила диски, а потом, удовлетворенная, отступила назад.

– Теперь, – сказала она на чистейшем английском языке, – мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Карпентер уставился на нее.

– Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

– Да нет, не научились, – ответил мальчик. – Это сережки-говорешки – ну, микротрансляторы. Когда их наденешь, то все, что мы говорим, вы слышите так, как если бы вы сами это сказали. А все, что вы говорите, мы слышим так, как это сказали бы мы.

– Я совсем забыла, что они у меня с собой, – сказала девочка. – Их всегда берут с собой в путешествие. Мы-то, правда, не совсем обычные путешественники, и их бы у меня не было, но получилось так, что, когда меня похитили, я как раз шла с урока общения с иностранцами. Так вот, – продолжала она, снова серьезно заглянув в глаза Карпентеру, – я думаю, что, если вы не возражаете, лучше всего сначала покончить с формальностями. Меня зовут Марси, это мой брат Скип, и мы из Большого Марса. А теперь, любезный сэр, скажите, как вас зовут и откуда вы?

* * *

Нелегко было Карпентеру, отвечая, не выдать своего волнения. Но нужно было сохранить спокойствие: ведь то, что он собирался сказать, было, пожалуй, еще невероятнее, чем то, что только что услышал он.

– Меня зовут Говард Карпентер, и я с Земли, из 2156 года. Это 79 062 156 лет спустя. Он показал на трицератанк.

– А это Сэм, моя машина времени. Ну, и еще кое-что сверх того. Если его подключить к внешнему источнику питания, то его возможностям практически не будет предела.

Девочка только моргнула, мальчик тоже – и все.

– Ну что ж, – через некоторое время сказала она. – Значит, мы выяснили, что вы из будущего Земли, а я – из настоящего Марса.

Она умолкла, с любопытством глядя на Карпентера.

– Вы чего-то не понимаете, мистер Карпентер?

Карпентер сделал глубокий вдох, потом выдох.

– В общем, да. Во-первых, есть такой пустяк – разница в силе тяжести на наших планетах. Здесь, на Земле, вы весите в два с лишним раза больше, чем на Марсе, и мне не совсем понятно, как это вы умудряетесь здесь так свободно двигаться, а тем более лазить вон по тому дереву.

– А, понимаю, мистер Карпентер, – ответила Марси. – Это вполне справедливое замечание. Но вы, очевидно, судите по Марсу будущего, и столь же очевидно, что он сильно отличается от Марса настоящего. Я думаю... я думаю, за 79 062 156 лет многое могло измениться. Ну ладно. В общем, мистер Карпентер, в наше со Скипом время на Марсе примерно такая же сила тяжести, как и на этой планете. Видите ли, много веков назад наши инженеры искусственно увеличили существовавшую тогда силу тяжести, чтобы наша атмосфера больше не рассеивалась в межпланетном пространстве. И последующие поколения приспособились к увеличенной силе тяжести. Это рассеяло ваше недоумение, мистер Карпентер?

Ему пришлось сознаться, что да.

– А фамилия у вас есть? – спросил он.

– Нет, мистер Карпентер. Когда-то у марсиан были фамилии, но с введением десентиментализации этот обычай вышел из употребления. Но прежде чем мы продолжим разговор, мистер Карпентер, я хотела бы поблагодарить вас за наше спасение. Это... это было очень благородно с вашей стороны.

– К вашим услугам, – ответил Карпентер, – боюсь только, что если мы и дальше будем так здесь стоять, мне придется опять вас от кого-нибудь спасать, да и себя заодно. Давайте-ка все трое залезем к Сэму в кабину – там безопасно. Договорились?

Он первым подошел к трицератанку, вскочил на его морду и протянул руку девочке. Когда она взобралась вслед за ним, он помог ей подняться в кабину водителя.

– Там, позади сиденья, небольшая дверца, – сказал он. – За ней каюта; лезь туда и устраивайся как дома. Там есть стол, стулья и койка и еще шкаф со всякими вкусными вещами. В общем, все удобства.

Но не успела Марси подойти к дверце, как откуда-то сверху раздался странный свист. Она взглянула в небо, и ее лицо покрылось мертвенной бледностью.

– Это они, – прошептала она. – Они нас уже нашли!

И тут Карпендер увидел темные крылатые силуэты птеранодонов. Их было два, и они пикировали на трицератанк подобно звену доисторических бомбардировщиков.

Схватив Скипа за руку, он втащил его на морду Сэма, толкнул в кабину рядом с сестрой и приказал:

– Быстро в кабину!

Потом прыгнул на водительское сиденье и захлопнул колпак.

И как раз вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма, а второй своим фюзеляжем задел спину ящерицы. Две пары реактивных двигателей оставили за собой две пары выхлопных струй.

2

Карпендер так и подскочил на своем сиденье. Элероны? Фюзеляж? Реактивные двигатели?

Птеранодоны?

Он включил защитное поле ящерохода, установив его так, чтобы оно простиралось на полметра наружу от брони, потом включил первую передачу. Птеранодоны кружились высоко в небе.

– Марси, – позвал он, – подойди-ка сюда на минутку, пожалуйста.

Она наклонилась через его плечо, и ее ярко-желтые волосы защекотали ему щеку.

– Да, мистер Карпендер?

– Когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: «Они нас уже нашли!» Что ты имела в виду?

– Это не птеранодоны, мистер Карпендер. Я, правда, не знаю, что такое птеранодоны, но это не они. Это те, кто нас похитил, на списанных военных самолетах. Может быть, эти самолеты и похожи на птеранодонов – я не знаю. Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы Технологического канонизационного института Большого Марса и держат в ожидании выкупа. Земля – их убежище. Их трое: Роул, Фритад и Холмер. Один из них, наверное, остался на корабле.

Карпендер промолчал. Марс 2156 года представлял собой унылую, пустынную планету, где не было почти ничего, кроме камней, песка и ветра. Его население состояло из нескольких тысяч упрямых колонистов с Земли, не отступавших ни перед какими невзгодами, и нескольких сотен тысяч столь же упрямых марсиан. Первые жили в атмосферных куполах, вторые, если не считать тех немногих, кто женился или вышел замуж за одного из колонистов, – в глубоких пещерах, где еще можно было добыть кислород. Однако раскопки, которые в двадцать втором веке вело здесь Внеземное археологическое общество, действительно принесли несомненные доказательства того, что свыше семидесяти миллионов лет назад на планете существовала супертехнологическая цивилизация, подобная нынешней земной. И конечно, было естественно предположить, что такой цивилизации были доступны межпланетные полеты.

А раз так, то Земля, где в те времена завершалась мезозойская эра, должна была стать идеальным убежищем для марсианских преступников – в том числе и для похитителей детей. Такое объяснение, разумеется, могло пролить свет и на те анахронизмы, которые то и дело попадались в слоях мелового периода.

Правда, присутствие Марси и Скипа в веке динозавров можно было объяснить и иначе: они могли быть земными детьми 2156 года и попасть сюда с помощью машины времени – так же, как попал сюда он. Или, если уж на то пошло, их могли похитить и перебросить в прошлое современные бандиты. Но тогда зачем им было врать?

– Скажи мне, Марси, – начал Карпендер, – ты веришь, что я пришел из будущего?

– О конечно, мистер Карпендер. И Скип тоже, я уверена. В это немного... немного трудно поверить, но я знаю, что такой симпатичный человек, как вы, не станет говорить неправду, да еще такую неправду.

– Спасибо, – отозвался Карпендер. – А я верю, что вы – из Большого Марса, который, по-видимому, не что иное, как самая большая и могучая страна вашей планеты. Расскажи мне о вашей цивилизации.

– Это замечательная цивилизация, мистер Карпендер. Мы с каждым днем движемся вперед все быстрее и быстрее, а теперь, когда нам удалось преодолеть фактор нестабильности, наш прогресс еще ускорится.

– Фактор нестабильности?

– Да, человеческие эмоции. Много веков они мешали нам, но теперь этому положен конец. Теперь, как только мальчику исполняется тринадцать лет, а девочке пятнадцать, их десентиментализируют. И после этого они приобретают способность хладнокровно принимать разумные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой. Это позволяет им действовать с наибольшей возможной эффективностью. В подготовительной школе Института мы со Скипом проходим так называемый додесентиментализационный курс. Еще четыре года, и нам начнут давать специальный препарат для десентиментализации. А потом...

* * *

– Скр-р-р-и-и-и-и-и!..

Со страшным скрежетом один из птеранодонов прочертил наискосок по поверхности защитного поля. Его отбросило в сторону, и прежде чем он вновь обрел равновесие и взвился в небо, Карпендер увидел в кабине человека. Он успел разглядеть лишь неподвижное, ничего не выражавшее лицо, но по его положению догадался, что пилот управляет самолетом, распластавшись между четырехметровыми крыльями.

Марси вся дрожала.

– Мне кажется... мне кажется, они решили нас убить, мистер Карпендер, – слабым голосом сказала она. – Они грозились это сделать, если мы попытаемся сбежать. А теперь они уже записали на пленку наши голоса с просьбой о выкупе и, наверное, сообразили, что мы им больше не нужны.

Карпендер потянулся назад и погладил ее руку, лежавшую у него на плече.

– Ничего, крошка. Ты под защитой старины Сэма, так что бояться нечего.

– А он... его правда так зовут?

– Точно. Достопочтенный Сэм Трицератопс. Познакомься, Сэм, – это Марси. Присматривай хорошенько за ней и за ее братом, слышишь?

Он обернулся и поглядел в широко раскрытые голубые глаза девочки.

– Говорит, будет присматривать. Готов спорить, что на Марсе ничего подобного не изобрели. Верно?

Она покачала головой – на Марсе это, по-видимому, был такой же обычный знак отрицания, как и на Земле, – и ему на мгновение показалось, что на губах у нее вот-вот появится робкая улыбка. Но ничего не произошло. Еще бы немного...

– Действительно, у нас такого нет, мистер Карпендер.

Он покосился сквозь колпак на кружащихся птеранодонов (он все еще про себя называл их птеранодонами, хотя теперь уже знал, что это такое).

– А где их межпланетный корабль, Марси? Где-нибудь поблизости?

Она ткнула пальцем влево.

– Вон там. Перейти реку, а потом болото. Мы со Скипом сбежали сегодня утром, когда Фритад заснул – он дежурил у люка. Они ужасные сони, всегда спят, когда подходит их очередь дежурить. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль, и мы думали, что до тех пор сможем прятаться. Мы пробрались через болото и переплыли реку на бревне. Это было... это было просто ужасно – там такие большие змеи с ногами, они за нами гнались, и...

Он почувствовал плечом, что она снова вся дрожит.

– Ну вот что, крошка, – сказал он. – Лезь-ка назад в кабину и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это что-нибудь совсем непохожее на то, что есть у нас в запасе. В шкафу ты увидишь такие квадратные запаянные банки – в них бутерброды. Наверху, в холодильнике, высокие бутылки, на них нарисован круг из маленьких

звездочек – там лимонад. Открывай и то и другое и принимайся за дело. Кстати, раз уж ты этим займешься, сделай что-нибудь и мне – я тоже проголодался.

И снова улыбка чуть-чуть не показалась у нее на губах.

– Хорошо, мистер Карпентер. Я вам сейчас такое приготовлю!

Оставшись один в кабине, Карпентер оглядел расстилавшийся вокруг мезозойский пейзаж через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна. Слева, на горизонте, возвышалась гряда молодых гор. Справа, вдали, тянулась цепочка утесов. В хвостовом смотровом окне были видны разбросанные по равнине рощицы ив, веерных пальм и карликовых магнолий, за которыми начинались поросшие лесом холмы – где-то там находилась его точка входа. Далеко впереди с чисто мезозойским спокойствием курились вулканы.

79 061 889 лет спустя это место станет частью штата Монтана. 79 062 156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, к тому времени изменившихся до неузнаваемости, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего 79 062 156 лет назад.

Может быть, это будут его собственные останки?

Карпентер усмехнулся и взглянул в небо, где все еще кружили птеранодоны. Посмотрим – может случиться и так, что это будут останки марсианина.

Он развернул трицератанк и повел его обратно.

– Поехали, Сэм, – сказал он. – Поищем-ка здесь укромное местечко, где можно отсижеться до утра. А к тому времени я, быть может, соображу, что делать дальше. Вот уж не думал, что нам с тобой когда-нибудь придется заниматься спасением детишек!

Сэм басовито заурчал и двинулся в сторону лесистых холмов.

* * *

Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться его автором. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибалдом Куигли. Правда это или нет – никто толком не знал; но так или иначе эта история как нельзя лучше демонстрировала парадоксальность путешествия во времени.

А история гласила, что профессора Куигли, великого почитателя Колриджа, много лет мучило любопытство – кто был таинственный незнакомец, появившийся в 1797 году на ферме Недер Стоуи в английском графстве Сомерсетшир и помешавший Колриджу записать до конца поэму, которую он только что сочинил во сне. Гость просидел целый час, и потом Колридж так и не смог припомнить остальную часть поэмы. В результате «Кубла Хан» остался незаконченным.

Со временем любопытство, мучившее профессора Куигли, стало невыносимым, он больше не мог оставаться в неизвестности и обратился в Бюро путешествий во времени с просьбой разрешить ему отправиться в то время и в то место, чтобы все выяснить.

Просьбу его удовлетворили, и он без колебаний выложил половину своих сбережений в уплату за путешествие в то утро. Очутившись поблизости от фермы, он притаился в кустах и начал наблюдать за входной дверью. Никто не шел; наконец он, стораю от нетерпения, сам подошел к двери и постучался. Колридж открыл дверь и пригласил профессора войти, но брошенного им злобного взгляда профессор не мог забыть до конца своих дней.

Припомнив эту историю, Карпентер усмехнулся. Впрочем, особенно смеяться по этому поводу не приходилось: то, что произошло с профессором Куигли, вполне могло случиться и с ним. Нравилось ему это или нет, но было совершенно не исключено, что ископаемые останки, чьим происхождением он занялся по поручению Североамериканского палеонтологического общества (САПО) и с этой целью отправился в мезозойскую эру, окажутся его собственными.

Но он отогнал от себя эту мысль. Во-первых, как только придется туго, ему нужно будет всего лишь связаться со своими помощниками – мисс Сэндз и Питером Детрайтесом, и они тут же явятся к нему на помощь на терапоеде Эдит или на каком-нибудь другом ящероходе из арсенала САПО. А во-вторых, ему уже известно, что в меловом периоде орудуют пришельцы. Значит, он не единственный, кому грозит опасность превратиться в те самые останки.

И в любом случае ломать голову над всем этим бессмысленно: ведь то, чему суждено было случиться, случилось, и тут уж ничего не поделаешь...

Скип выбрался из каюты и перегнулся через спинку водительского сиденья.

– Марси просила передать вам бутерброд и бутылку лимонада, мистер Карпентер, – сказал он, протягивая то и другое. – Можно мне посидеть с вами, сэр?

– Конечно, – ответил Карпентер и подвинулся.

Мальчик перелез через спинку и соскользнул на сиденье. И тут же сзади просунулась еще одна голова цвета лютика.

– Простите, пожалуйста, мистер Карпентер, а нельзя ли...

– Подвинься, Скип, посадим ее в середину.

Голова Сэма была шириной в добрых полтора метра, и в кабине водителя места хватало. Но само сиденье было меньше метра шириной, и двум подросткам уместиться на нем рядом с Карпентером было не так уж просто, особенно если учесть, что все трое в этот момент уплетали бутерброды и запивали их лимонадом. Карпентер чувствовал себя добрым отцом семейства, отправившимся со своими отпрысками в зоопарк.

И в какой зоопарк! Они уже углубились в лес, и вокруг поднимались дубы и лавры мелового периода; среди них в изобилии попадались ивы, сосны и гинкго, а время от времени – нелепые на вид заросли веерных пальм. В густых кустах они заметили огромное неуклюжее существо, похожее спереди на лошадь, а сзади на кенгуру. Карпентер определил, что это анатозавр. На поляне они повстречали и до полусмерти перепугали струтиомимуса, чем-то напоминавшего страуса. Анкилозавр с утыканной шипами спиной сердито уставился на них из камышей, но благоразумно решил не становиться Сэму поперек дороги. Взглянув вверх, Карпентер впервые увидел на вершине дерева археоптерикса. А подняв глаза еще выше, он заметил кружащихся в небе птеранодонов.

Он надеялся, что под покровом леса сможет от них скрыться, и с этой целью вел Сэма зигзагами. Однако они, очевидно, были оснащены детекторами массы – следовало придумать что-нибудь похитрее. Можно было попытаться сбить их заградительным огнем парализующих зарядов из рогопушки, но надежда на успех была невелика, да и вообще он тут же отказался от этой идеи. Конечно, похитители вполне заслуживают смерти, но не ему их судить. Он расправится с ними, если другого выхода не будет, но не станет это делать до тех пор, пока не разыграет все свои козырные карты.

Он повернулся к детям и увидел, что они потеряли всякий интерес к еде и с опаской поглядывают вверх. Перехватив их взгляды, он подмигнул.

– Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

– Но как, мистер Карпентер? – спросил Скип. – Они запеленговали нас своими детекторами. Счастье еще, что это простые марсиане и у них нет самого главного марсианского оружия. Правда, у них есть распылители – это тоже что-то вроде радугометов, но, если бы у них были настоящие радугометы, нам бы всем несдобровать.

– Отделаться от них ничего не стоит – мы можем просто перескочить немного назад во времени. Так что кончайте со своими бутербродами и не бойтесь.

Опасения детей рассеялись, и они оживились.

– Давайте перескочим назад на шесть дней, – предложила Марси. – Тогда они нас ни за что не найдут, потому что в то время нас еще здесь не было.

– Ничего не выйдет, крошка, – Сэм не потянет. Прыжки во времени требуют ужасно много энергии. Чтобы такая комбинированная машина времени, как Сэм, могла далеко прыгнуть, нужно к ее мощности добавить мощность стационарной машины. Она перебрасывает ящероход в нужную точку входа, водитель отправляется из этой точки и делает свое дело. А чтобы вернуться обратно, в свое время, у него есть только один способ: снова явиться в точку входа, связаться со стационарной машиной и к ней подключиться. Можно еще послать сигнал бедствия, чтобы кто-нибудь прибыл за ним на другом ящероходе. Собственной мощности Сэму хватит только на то, чтобы перескочить на четыре дня туда и обратно, но и от этого у него двигатель сторит. А уж тогда никакая стационарная машина времени его не вытащит. Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

* * *

Парадоксально, но факт: чем короче временной промежуток, с которым имеешь дело, тем больше приходится производить расчетов. С помощью управляющего перстня на своем указательном пальце Карпентер отдал Сэму приказ продолжать движение зигзагами, а сам взялся за блокнот и карандаш. Через некоторое время он начал задавать арифметические головоломки компактному вычислителю, встроенному в панель управления. Марси, наклонившись вперед, внимательно следила за его работой.

– Если это ускорит дело, мистер Карпентер, – сказала она, – кое-какие действия попроще, вроде тех, что вы записываете, я могу производить в уме. Например, если 828 464 280 умножить на 4 692 438 921, то в итоге получим 3 887 518 032 130 241 880.

– Очень может быть, крошка, но я все-таки на всякий случай проверю, ладно?

Он ввел цифры в вычислитель и нажал кнопку умножения. В окошечке загорелись цифры: 3 887 518 032 130 241 880. Карпентер чуть не выронил карандаш.

– Она же у нас гений по части математики, – пояснил Скип. – А я по части техники. Потому-то нас и похитили. Наше правительство очень высоко ценит гениев. Оно не пожалеет денег, чтобы нас выкупить.

– Правительство? Я думал, что похитители требуют выкуп с родителей, а не с правительства.

– Нет, наши родители больше не несут за нас никакой ответственности, – объяснила Марси. – По правде говоря, они, наверное, про нас давно забыли. После шести лет дети переходят в собственность государства. Видите ли, сейчас все марсианские родители десентиментализированы и ничуть не возражают против того, чтобы избавиться от... ну в общем отдать своих детей государству.

Карпентер некоторое время смотрел на два серьезных детских лица.

– Вот оно что, – протянул он. – Ясно.

С помощью Марси он закончил расчеты и ввел окончательные цифры в передний нервный центр Сэма.

– Ну, поехали, ребяташки! – сказал он и включил рубильник временного скачка. На какое-то мгновение у них перед глазами что-то замерцало, и ящероход чуть тряхнуло. Впрочем, он даже не замедлил своего неторопливого движения – так гладко прошел скачок.

Карпентер перевел часы с 16:16 на 15:16.

– Ну-ка, ребята, взгляните вверх – есть там птеранодоны?

Они долго всматривались сквозь листву в небо.

– Ни одного, мистер Карпентер, – отозвалась Марси. Глаза ее горели восхищением. – Ни единого!

– Да, утерли вы нос нашим ученым! – восторженно заявил Скип. – Они считают себя очень умными, но им и в голову не приходило, что можно путешествовать во времени...

А как далеко можно перескочить в будущее, мистер Карпентер, – я имею в виду, на настоящей машине времени?

– Если хватит энергии – хоть до конца времен, если он есть. Но путешествовать вперед из своего настоящего запрещено законом. Власти предержащие 2156 года считают – людям ни к чему раньше времени знать, что с ними будет. И тут я, в виде исключения, полагаю, что власти предержащие правы.

Он отключил автоматику, перевел Сэма на ручное управление и повернул под прямым углом к прежнему курсу. Через некоторое время они выбрались из леса на равнину. Вдали, на фоне дымчато-голубого неба, вырисовывалась белой полоской цепочка утесов, которую он заметил еще раньше.

– Ну а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе? – спросил он.

Глаза у Скипа стали совсем круглые.

– На открытом воздухе, мистер Карпентер?

– Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелем на земле одеяла – совсем на индейский манер. Может быть, даже отыщем в скалах пещеру. Как, годится?

Теперь глаза округлились у обоих.

– А что такое «на индейский манер», мистер Карпентер? – спросила Марси.

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей, и про буйволов, и про безбрежные прерии, и про последний бой Кестера, и про покорителей Дикого Запада, и про Сидящего Быка – и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз: как будто он ясное солнышко, которого они еще никогда в жизни не видели. Покончив с Диким Западом, он принялся рассказывать о Гражданской войне и Аврааме Линкольне, о генерале Гранте и генерале Ли, о геттисбергском обращении, битве на реке Булл-Ран и поражении у Аппоматтокса.

Никогда еще он так много не говорил. Ему и самому это показалось странным: на него нашло что-то такое, отчего он вдруг почувствовал себя веселым и беззаботным, все ему стало нипочем, осталось только одно: вот этот день в меловом периоде, затянувшая горизонт после-полуденная дымка и двое детей с круглыми от удивления глазами, сидящие рядом с ним. Но он не стал долго об этом размышлять, а продолжал рассказывать про Декларацию независимости и американскую революцию, про Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона, про Бенджамина Франклина и Джона Адамса, и про то, как смело мечтали о светлом будущем отцы-основатели, и насколько лучше было бы, если бы чересчур предприимчивые люди не воспользовались их мечтой в своих корыстных целях, и как настало время, когда эта мечта все-таки более или менее сбылась, сколько бы преступлений ни было совершено ее именем.

Когда он кончил, уже наступил вечер. Прямо впереди упирались в потемневшее небо белые скалы.

У подножья скал они нашли отличную, никем не занятую пещеру, где могли с удобствами устроиться все, включая Сэма, и оставалось еще место для костра. Карпентер загнал ящероход в пещеру и поставил его к задней стенке. Потом он выдвинул защитный экран, охватив им всю пещеру, нависавший над входом обрыв и полукруглую площадку подножья. Тщательно осмотрев получившийся палисадник и убедившись, что в нем нет рептилий, если не считать нескольких мелких и неопасных ящериц, он послал детей за хворостом. А сам тем временем наладил у входа в пещеру полупрозрачное поле, которое скрывало от взгляда все, что происходит внутри.

К этому времени дети утратили свою прежнюю сдержанность, во всяком случае Скип.

– Можно я разведу костер? – кричал он, прыгая на месте. – Можно, мистер Карпентер? Можно?

– Скип! – укоризненно сказала Марси.

– Ничего, крошка, – успокоил ее Карпентер, – это можно. И ты тоже можешь помочь, если хочешь.

Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в багровый, а потом в ярко-красный цвет.

Карпентер откупорил три банки сосисок и три пакета булочек и показал своим подопечным, как нанизывают сосиски на заостренный прутик и жарят их на костре. Потом он продемонстрировал, как нужно класть поджаренную сосиску на булочку и приправлять ее горчицей, маринадом и нарезанным луком. Можно было подумать, что он настежь распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес, которая раньше им и не снилась. От их былой серьезности не осталось и следа, и в следующие полчаса они соорудили и истребили по шесть бутербродов на каждого. Слип так разбушевался, что чуть не свалился в костер, а на губах Марси расцвела, наконец, та самая улыбка, которая пробивалась весь день, и такой ослепительной оказалась она, что пламя костра по сравнению с ней поблекло.

Потом Карпентер приготовил какао в кухонном отсеке Сэма, и теперь для завершения пиршества не хватало только жареных каштанов. Он подумал: а что, если его деловая помощница уложила и этот деликатес в хвостовой отсек Сэма среди прочих запасов? Маловероятно, но он все же решил посмотреть – и, к своей великой радости, обнаружил целую коробку.

Он снова устроил небольшое представление, за которым дети следили, разинув рты. Когда первые каштаны подрумянились до золотисто-коричневого цвета, у Скипа глаза чуть не выскочили из орбит. А Марси просто стояла и глядела на Карпентера так, словно он только что сказал: «Да будет свет!» – и наступил первый в мире день.

Смеясь, он вынул каштаны из огня и роздал детям.

– Слип! – возмущенно сказала Марси, когда тот засунул всю свою порцию в рот и проглотил единым махом. – Как ты себя ведешь?

Сама она ела со всем изяществом, какое предписывают правила хорошего тона.

Когда с каштанами было покончено, Карпентер вышел из пещеры и принес три больших охапки лавровых и кизилых веток для подстилки. Он показал детям, как разостлать их на полу пещеры и как покрыть их одеялами, которые он достал из хвостового отсека Сэма. Скипу дальнейших приглашений не потребовалось: после бурной деятельности и сытного ужина он свалился на одеяло, едва успев его расстелить. Карпентер достал еще три одеяла, накрыл одним из них Скипа и повернулся к Марси.

– Ты тоже выглядишь усталой, крошка.

– Нет, ничуть, мистер Карпентер. Ни капельки. Я же на два года старше Скипа. Он еще маленький.

* * *

Оставшиеся два одеяла он свернул в некое подобие подушек и пристроил их у огня. На одно уселся сам, на другое села Марси.

Весь вечер из-за защитного экрана то и дело доносились рев, рык и ворчание; теперь их сменили жуткие звуки – казалось, рядом громыкает гигантская асфальтодробилка. Пол пещеры дрогнул, и на стенах отчаянно заплескали отсветы костра.

– Похоже, что это тираннозавр, – сказал Карпентер. – Наверное, проголодался и решил закусить парочкой струтиомимусов.

– Тиранозавр, мистер Карпентер?

Он описал ей этого хищного ящера. Она кивнула и поежилась.

– Ну да, – сказала она. – Мы со Слипсом одного такого видели. Это было после того, как мы переплыли реку. Мы... мы притаились в кустах, пока он не прошел мимо. Какие у вас, на Земле, есть ужасные создания, мистер Карпентер!

– В наше время их уже нет, – ответил Карпентер. – Теперь у нас совсем другие создания – от одного их вида тиранозавр пустился бы наутек, как перепуганный кролик. Впрочем,

особенно жаловаться не приходится. Правда, наше техническое распутство обошлось нам не дешево, зато благодаря ему мы получили и кое-что полезное. Путешествия во времени, например. Или межпланетные полеты.

В этот момент асфальтодробилке, по-видимому, попался особенно неподатливый кусок асфальта, и к тому же, судя по немыслимым звукам, которыми она разразилась, внутри у нее что-то сломалось. Девочка придвинулась к Карпентеру.

– Не бойся, крошка. Здесь опасаться некого – через наше защитное поле не пробьется даже целая армия ящеров.

– А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали – видимо, ящер направился в другую сторону.

– На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Наступило молчание. Потом Марси спросила:

– А у вас есть девушка, мистер Карпентер?

– Да в общем-то нет. Я бы так сказал: есть одна, но ее я, образно выражаясь, боготворю издали.

– Не похоже, чтобы вам от этого было много радости. А кто она такая?

– Моя главная помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе, где я работаю, мисс Сэндз. Ее зовут Элейн, но я никогда не называю ее по имени. Она присматривает за тем, чтобы я ничего не забыл, когда отправляюсь в прошлое, и устанавливает перед стартом время и место по времяскопу. А потом она и еще один мой помощник, Питер Детрайтес, дежурят, готовые прийти мне на помощь, если я перешлю им банку консервированной зайчатины. Понимаешь, это наш сигнал бедствия. Банка как раз такого размера, что ее может перебросить во времени палеонтоход. А заяц в нашем языке ассоциируется со страхом.

– А почему вы боготворите ее издали, мистер Карпентер?

– Видишь ли, – задумчиво ответил Карпентер, – мисс Сэндз – это тебе не простая девушка, она не такая, как все. Она холодна, равнодушна – как богиня, понимаешь? Впрочем, вряд ли ты можешь это понять. В общем, с такой богиней просто нельзя себя вести так же, как с обыкновенными девушками. С ней надо знать свое место – боготворить ее издали и смиренно ждать, когда она вдруг снизойдет до тебя. Я... я до того ее боготворю, что при ней совсем робею и теряю дар речи. Может быть, потом, когда я познакомлюсь с ней поближе, дело пойдет иначе. Пока что я знаком с ней три месяца.

* * *

Он умолк. Сережки-говорешки в ушах Марси блеснули в свете костра – она повернула голову и ласково взглянула на него.

– В чем дело, мистер Карпентер? Заснули?

– Просто задумался. Если уж на то пошло, три месяца – не так уж мало. За это время вполне можно понять, полюбит когда-нибудь тебя девушка или нет. Мисс Сэндз никогда меня не полюбит – теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на меня лишний раз без особой надобности, двух слов со мной не скажет, разве что это позарез нужно. Так что если даже я решу, что хватит боготворить ее издали, соберусь с духом и признаюсь ей в любви, она, вероятно, только рассердится и прогонит меня прочь.

– Ну, не совсем же она сумасшедшая, мистер Карпентер! – возмутилась Марси. – Не может этого быть. Как ей не стыдно?

– Нет, Марси, ты ничего не понимаешь. Разве может такой красавице понравиться никому не нужный бродяга вроде меня?

– Ничего себе бродяга, и к тому же никому не нужный! Знаете, мистер Карпентер, по моему, вы просто не разбираетесь в женщинах. Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею, вот увидите!

– Ты романтик, Марси. В настоящей жизни так не бывает.

Он встал.

– Ну ладно, мадемуазель, не знаю, как вы, а я устал. Кончим на этом?

– Если хотите, мистер Карпентер.

Она уже спала, когда он нагнулся, чтобы укрыть ее одеялом. Некоторое время он стоял, глядя на нее.

Она повернулась на бок, и отсвет костра упал на коротко подстриженные ярко-желтые волосы у нее на шее, окрасив их в золотисто-красный цвет. Ему вспомнились весенние луга, усеянные лютиками, и теплое чистое солнце, возвещающее о том, что наступило росистое утро...

Взглянув, хорошо ли устроен Скип, он подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу. Как только тираннозавр удалился, из своих укрытий показались попрятавшиеся было существа помельче. Карпентер разглядел причудливые контуры нескольких орнитоподов; у рощицы веерных пальм он заметил неподвижно стоящего анкилозабра; он слышал, как по обе стороны защитного поля шныряют ящерики. С доисторических небес светила луна, чем-то чуть-чуть не похожая на ту луну, к которой он привык. Разница была в числе метеоритных кратеров: 79 062 156 лет спустя их станет куда больше.

Вскоре он обнаружил, что хотя все еще смотрит на луну, но больше ее не видит. Вместо этого у него перед глазами стоял костер, а у костра – девочка и мальчик, которые с увлечением жарят каштаны. «И почему это я не женился и не завел себе детей? – вдруг подумал он. – Почему пренебрег всеми хорошенькими девушками, которые мне встречались, и все только ради того, чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в красавицу богиню, которой совершенно безразлично, существую я на свете или нет? Откуда это я взял, что острые ощущения, которые получаешь от всяких приключений, лучше спокойного довольства жизнью, когда ты кого-то любишь и кто-то любит тебя? Почему решил, что наводить порядок в исторических и доисторических временах важнее, чем навести порядок в собственной жизни? Почему думал, что одинокая меблированная комната – это и есть крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивки в полутемных барах с развеселыми девицами, которых наутро уже не помнишь, – это и есть подлинная свобода? И какой это я могу найти в прошлом клад, чтобы он мог сравниться с сокровищами, от которых я отказался в будущем?..»

Стало прохладно. Перед тем как улечься, он подбросил хвороста в огонь. Он долго лежал, слушая, как трещит пламя, и глядя, как играют отблески на стенах пещеры. Из доисторической тьмы на него золотыми глазками посматривала ящерица.

Вдали послышался вопль орнитопода. А рядом с ним, окруженные глубокой мезозойской ночью, ровно дышали на своих постелях из веток двое детей.

В конце концов он уснул.

3

На следующее утро Карпентер, не теряя времени даром, собрался в путь. Марси и Скип были готовы на все, лишь бы остаться в пещере подольше, но он объяснил им, что если они будут сидеть на месте, похитители в два счета их обнаружат, и поэтому лучше нигде надолго не останавливаться. До сих пор дети прекрасно понимали все, что он говорил, так же как он понимал все, что говорили они; но на этот раз что-то не ладилось – он никак не мог добиться, чтобы до них это дошло. Очень может быть, что они попросту не хотели покидать пещеру. Так или иначе им пришлось это сделать – после того как в крохотной туалетной комнатке Сэма были совершены утренние омовения, а в кухонном отсеке был приготовлен плотный завтрак из яичницы с беконом. Но для того, чтобы они послушались, Карпентеру пришлось дать им понять, что командует здесь он, а не кто другой.

Никакого определенного плана действий у него пока не было. Размышляя, что делать дальше, он предоставил трицератанку самостоятельно выбирать себе дорогу по равнине – сверхчувствительной навигационной аппаратуре ящерохода это было нипочем.

В общем-то у Карпентера были только две возможности. Во-первых, он мог и дальше опекать детей и прятаться вместе с ними от похитителей, пока тем не надоест за ними гоняться или пока не подоспеет подмога в лице Космической полиции Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сэндз и Питеру Детрайтесу, чтобы те перебросили трицератанк обратно, в настоящее время. Второй путь был несравненно безопаснее. Он так бы и сделал без всяких колебаний, если бы не два обстоятельства. Первое: хотя Марси и Скип, несомненно, могут приспособиться к цивилизации, столь похожей на их собственную, как цивилизация Земли двадцать второго века, они вряд ли будут чувствовать себя в этих условиях как дома. И второе. Рано или поздно они осознают ужасную истину: их собственная цивилизация, оставшаяся в далеком прошлом, за 79 062 156 лет бесследно исчезла, и из технологических мечтаний, которые они привыкли чтить как святыню, ровно ничего не вышло...

Был, правда, еще и третий путь – взять детей с собой в настоящее время на Землю, переждать там, пока похитители не прекратят поиски и не улетят или же пока не появится Космическая полиция, а потом вернуть их обратно в прошлое Земли. Но для этого понадобилось бы совершить не один рейс в меловой период и обратно, а такие рейсы стоят сумасшедших денег, и Карпентер заранее знал, что даже один рейс, не имеющий отношения к палеонтологии, будет САПО не по карману, не говоря уже о нескольких.

Погруженный в размышления, он вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был Скип – он вошел в кабину и забрался на сиденье.

– А мне можно им поуправлять, мистер Карпентер? Можно?

Карпентер оглядел равнину через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна, потом заставил Сэма задрать голову и сквозь колпак кабины внимательно осмотрел небо. Высоко над скалистой грядой, где они были меньше часа назад, кружила черная точка. И пока он смотрел, рядом с ней появились еще две.

– Немного погодя, Скип. Сейчас, по-моему, мы тут не одни.

Скип тоже заметил в небе черные точки.

– Снова птеранодоны, мистер Карпентер?

– Боюсь, что да.

Точки, быстро увеличиваясь, превратились в крылатые силуэты с узкими остроконечными головами. В кабину вошла Марси и тоже внимательно посмотрела на небо. На этот раз ни она, ни Скип не проявили ни малейших признаков испуга.

– Мы снова прыгнем назад, в прошлое, мистер Карпентер? – спросила Марси.

– Посмотрим, крошка, – ответил он.

Теперь птеранодоны были хорошо видны. Не было сомнения, что их интересует именно Сэм. Другое дело – решатся ли они снова на него напасть. Несмотря на то что трицератанк был укрыт защитным полем, Карпентер все же решил на всякий случай направиться к ближайшей роще. Это была пальметтовая заросль примерно в километре от них. Он прибавил скорость и взялся за ручки управления.

– Вперед, Сэм! – сказал он, чтобы ободрить детей. – Покажем Марси и Скипу, на что ты способен!

Сэм сорвался с места, словно старинный паровоз двадцатого века. Его упругие стальные ноги ритмично двигались, копыта из твердого сплава отбивали такт, с громом ударяясь о землю. Однако в скорости Сэму было не сравниться с птеранодонами, и они легко его настигли. Передний круто спикировал в сотне метров впереди, сбросил что-то вроде большого металлического яйца и взмыл ввысь.

Металлическое яйцо оказалось не чем иным, как бомбой. Взрыв оставил такую огромную воронку, что Карпентер еле сумел ее объехать, не опрокинув ящероход. Он тут же прибавил оборотов и перешел на вторую скорость.

– Ну, этим они нас не возьмут, верно, старина? – сказал он.

– Рrrrrrr! – заурчал в ответ Сэм.

Карпентер взглянул на небо. Теперь все птеранодоны кружились прямо у них над головой. Один, два, три – сосчитал он. Три? Вчера их было только два!

– Марси! – возбужденно сказал он. – Сколько всего, вы говорили, там похитителей?

– Трое, мистер Карпентер. Роул, Фритад и Холмер.

– Тогда они все тут. Значит, корабль никем не охраняется. Если только на нем нет экипажа.

– Нет, мистер Карпентер, экипажа нет. Они сами его вели.

Он оторвал взгляд от кружащихся сверху птеранодонов.

– А как вы думаете, ребята, смогли бы вы проникнуть внутрь?

– Запросто, – ответил Слип. – Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами – всякому, кто хоть немного разбирается в технике, ничего не стоит открыть их. Поэтому мы с Марси и смогли тогда удрать. Будьте уверены, мистер Карпентер, я это делаю.

– Хорошо, – сказал Карпентер. – Мы встретим их там, когда они вернутся.

* * *

С помощью Марси рассчитать координаты для скачка во времени было проще простого. Уже через несколько секунд Сэм был готов.

Когда они оказались в рощице карликовых пальм, Карпентер включил рубильник. Снова что-то замерцало у них перед глазами. Сэма слегка трянуло, и дневной свет превратился в предрассветную тьму. Где-то позади, в пещере у подножья скал, стоял еще один трицератанк, а на подстилке из веток крепко спали еще один Карпентер, еще один Слип и еще одна Марси.

– А далеко назад мы сейчас перепрыгнули, мистер Карпентер? – поинтересовался Слип. Карпентер включил фары и принялся выводить Сэма из рощицы.

– На четыре часа. Теперь у нас должно хватить времени, чтобы добраться до корабля и устроиться там до возвращения наших приятелей. Может быть, мы попадем туда еще до того, как они отправятся на поиски, если только они не разыскивают нас круглые сутки.

– А что, если они найдут нас и в этом времени? – возразила Марси. – Ведь тогда мы снова попадем в такой же переплет?

– Не исключено, крошка. Но все шансы за то, что они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Она с восхищением посмотрела на него.

– Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

В устах девочки, которая могла в уме умножить 4 692 438 921 на 828 464 280, этот комплимент кое-чего стоил. Однако Карпентер и виду не показал, что он польщен.

– Надеюсь, ребята, что вы теперь найдете корабль? – сказал он.

– Мы уже на правильном курсе, – ответил Скин. – Я знаю, у меня врожденное чувство направления. Он замаскирован под большое дерево.

Взошло солнце – уже во второй раз в это утро. Как и вчера, размеры и внешний вид Сэма нагоняли страх на разнообразных животных мелового периода, попадавших им навстречу. Правда, если бы им повстречался тираннозавр, еще не известно, кто на кого нагнал бы страху. Но тираннозавра они не встретили. К восьми часам они уже были в тех местах, куда накануне попал Карпентер, покинув лесистые холмы.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Марси. – Вот дерево, на которое мы залезли, когда удирали от того горбатого чудовища!

– Точно, – отозвался Скин. – Ну и струхнули же мы!

Карпентер усмехнулся.

– Оно, наверное, приняло вас за какое-нибудь новое растение, которого еще ни разу не пробовало. Хорошо, что я вовремя подвернулся, а то оно, пожалуй, расстроило бы себе желудок.

Сначала они уставились на него непонимающими глазами, и он подумал: слишком велика пропасть между двумя языками и двумя мирами, чтобы ее могла преодолеть эта немудреная шутка... Но он ошибся. Сначала расхохоталась Марси, а за ней и Скин.

– Ну, вы даете, мистер Карпентер! – заливалась Марси.

А Сэм тем временем двигался дальше. Местность становилась все более открытой – из крупных растений здесь попадались в основном лишь рощицы карликовых пальм и кучки веерных. Далеко справа над горизонтом, и без того затянутым дымкой, курились вулканы. Впереди виднелись горы, вершины которых прятались в мезозойском смоге. Воздух был такой влажный, что на колпаке кабины все время оседали капли воды и скатывались вниз, как в дождь. Вокруг кишели черепахи, ящерицы и змеи, а один раз над головами быстро пролетел настоящий птеранодон.

Наконец они добрались до реки, про которую рассказывала Марси и приближение которой уже давно предвещала все более сырая, топкая почва. Ниже по течению Карпентер впервые в жизни увидел бронтозавра.

Он показал на него детям, и они вытаращили глаза от изумления. Бронтозавр лежал посередине медленно текущей реки. Над водой виднелись только его крохотная голова, длинная шея и часть спины. Шея напоминала стройную гибкую башню – всю картину портило только то, что она то и дело ныряла в папоротники и камыши, окаймлявшие берег. Несчастное животное было до того велико, что ему, чтобы не умереть с голоду, приходилось кормиться буквально день и ночь напролет.

Карпентер отыскал брод и повел Сэма через реку к противоположному берегу. Здесь земля казалась потверже, но это впечатление было обманчиво: навигационные приборы Сэма показывали, что трясины попадают здесь еще чаще. («Боже правый, – подумал Карпентер. – Что, если бы ребята забрели в такую трясины?») Вокруг в изобилии росли папоротники, под ногами расстился толстый ковер из низкорослого лавра и осоки. Карликовых и веерных пальм по-прежнему было больше всего, но время от времени стали попадаться гинкго. Один из них, настоящий гигант, возвышался больше чем на полсотни метров над землей.

Карпентер в недоумении разглядывал это дерево. В меловой период гинкго росли обычно на высоких местах, а не в низинах. К тому же дереву таких размеров вообще нечего было делать в меловом периоде.

У гинкго-гиганта были и другие странности. Прежде всего у него был слишком толстый ствол. Кроме того, нижняя часть его, примерно до шестиметровой высоты, была разделена на три самостоятельных ствола – они образовывали нечто вроде треножника, на котором покоилось дерево.

И тут Карпентер увидел, что оба его подопечных взволнованно показывают пальцами на то дерево, которое он разглядывал.

– Оно самое! – вскричал Скип. – Это и есть корабль!

– Вот оно что! Не удивительно, что я обратил на него внимание, – сказал Карпентер. – Ну, не ахти как хорошо они его замаскировали. Я даже вижу гнездо для крепления самолета.

– А они не очень старались, чтобы его не было видно с земли, – объяснила Марси. – Главное – как он выглядит сверху. Конечно, если Космическая полиция подоспеет вовремя, она рано или поздно обнаружит его своими детекторами, но по крайней мере на некоторое время такой маскировки хватит.

– Ты как будто не рассчитываешь на то, что полиция подоспеет вовремя.

– Да нет, конечно. Со временем-то они сюда доберутся, но на это понадобится не одна неделя, а может быть, и не один месяц. Их радарной разведке нужно порядочно времени, чтобы выследить путь корабля, к тому же они почти наверняка еще даже не знают, что нас похищали. До сих пор в таких случаях, когда похищали детей из Института, правительство сначала платило выкуп, а уж потом сообщало в Космическую полицию. Конечно, даже после того, как уплачен выкуп и дети возвращены, Космическая полиция все равно приступает к поискам похитителей и рано или поздно находит, где они прятались, но к тому времени их обычно и след простыл.

– Ну что ж, – сказал Карпентер, – я думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как, по-вашему?

* * *

Спрятав Сэма в ближайшей пальмовой рощице и выключив защитное поле, Карпентер залез под сиденье водителя и вытащил оттуда единственное портативное оружие, которым был снабжен трицератанк, – легкую, но с сильным боем винтовку, которая стреляла парализующими зарядами. Такую винтовку САПО сконструировало специально для своих служащих, чья работа была связана с путешествиями во времени. Перекинув ремень через плечо, Карпентер откинул колпак, вылез на морду Сэма и помог детям спуститься на землю. Все трое подошли к кораблю.

Скип вскарабкался на посадочную стойку, взобрался немного выше по стволу, и через какие-нибудь несколько секунд шлюзовая камера открылась. Скип спустил вниз алюминиевую лестницу.

– Все готово, мистер Карпентер.

Марси оглянулась через плечо на пальмовую рощицу.

– А Сэм – с ним ничего не случится, как вы думаете?

– Конечно, ничего, крошка, – успокоил ее Карпентер. – Ну, полезай.

Кондиционированный воздух внутри корабля имел примерно такую же температуру, как и в кабине Сэма; освещение было холодным и тусклым.

За внутренним люком шлюзовой камеры короткий коридор вел к стальной винтовой лестнице, которая шла вверх, к жилым палубам, и вниз, в машинное отделение. Карпентер взглянул на часы, которые раньше отвел на четыре часа назад, – было 8:24. Через несколько минут птеранодоны начнут атаковать Сэма, Карпентера, Марси и Скипа в «предыдущем» времени. Даже если тогда похитители сразу после этого направились к кораблю, времени еще достаточно – во всяком случае, хватит на то, чтобы послать радиogramму, а потом приготовить

задуманную ловушку. Правда, радиogramму можно будет послать и тогда, когда Роул, Фритад и Холмер будут крепко заперты в своих каютах, но если что-нибудь сорвется, такая возможность может вообще не представиться, так что лучше сделать это сразу же.

– Ну вот что, ребята, – сказал Карпентер. – Закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Первую часть приказа они исполнили с большой готовностью, но выполнять вторую почему-то не спешили. В коридоре Марси остановилась. Ее примеру последовал и Скип.

– Зачем вам радиорубка, мистер Карпентер? – спросила Марси.

– Чтобы вы могли сообщить наши координаты Космической полиции и сказать им, чтобы они спешили сюда. Надеюсь, вы с этим справитесь?

Скип поглядел на Марси, Марси – на Скипа. Потом оба покачали головами.

– Погодите, – с досадой сказал Карпентер. – Ведь вы прекрасно знаете, как это делается. Почему вы делаете вид, что не умеете?

Скип уставился в пол.

– Мы... мы не хотим домой, мистер Карпентер.

Карпентер взглянул в их серьезные лица.

– Но вы должны вернуться домой! Куда же вы еще денетесь?

Они молчали, пряча от него глаза.

– В общем, так, – продолжал он через некоторое время. – Если нам удастся поймать Роула, Фритада и Холмера, все прелестно. Мы продержимся здесь, пока не прибудет Космическая полиция, и сдадим их ей. Но если что-нибудь сорвется и мы их не поймает, у нас по крайней мере останется еще один козырь – та самая радиogramма, которую вы сейчас пошлете. Теперь дальше. Я примерно представляю себе, сколько времени нужно космическому кораблю, чтобы добраться с Марса на Землю. Но я, конечно, не знаю, за сколько времени это могут сделать ваши корабли. Так что скажите-ка мне, через сколько дней Космическая полиция будет здесь, на Земле, после того как получит вашу радиogramму?

– При нынешнем расположении планет чуть больше чем через четверо суток, – сказала Марси. – Если хотите, мистер Карпентер, я могу рассчитать время с точностью до...

– Не надо, достаточно и этого, крошка. А теперь лезь наверх, и ты тоже, Скип. Нечего терять время!

Дети нехотя повиновались. Радиорубка находилась на второй палубе. Кое-какая аппаратура показалась Карпентеру знакомой, но большая часть представляла для него совершенную загадку. За огромным, от пола до потолка, иллюминатором открывался вид на доисторическую равнину. Взглянув вниз сквозь фальшивую листву, Карпентер увидел пальметтовую рощицу, где был спрятан Сэм. Он внимательно оглядел горизонт – не возвращаются ли птеранодоны. Но в небе ничего не было видно. А отвернувшись от иллюминатора, он увидел, что в рубке появился кто-то четвертый. Карпентер сбросил с плеча винтовку и почти успел вскинуть ее, когда металлическая трубка в руке этого четвертого издала резкий скрежещущий звук, и винтовка исчезла.

Не веря своим глазам, Карпентер уставился на собственные руки.

4

Человек, появившийся в рубке, был высок и мускулист. Одет он был примерно так же, как Марси и Скип, но побогаче. На его узком лице было написано ровно столько же душевных переживаний, сколько на сушеной груше, а металлическая трубка в его руке была направлена Карпентеру точно между глаз. Не требовалось особых объяснений, чтобы понять: сдвинься Карпентер с места хоть на полшага, и с ним произойдет то же, что и с винтовкой. Впрочем, человек снизошел до того, что сообщил ему:

– Если двинешься – распылю.

– Нет, Холмер! – вскричала Марси. – Не смей его трогать! Он просто помог нам, потому что ему стало нас жалко!

– Постой, крошка, ты же как будто говорила, что их только трое? – сказал Карпентер, не сводя глаз с Холмера.

– Их на самом деле трое, мистер Карпентер. Честное слово! Наверное, третий птеранодон был беспилотный. Они нас перехитрили!

Холмер должен был бы ухмыльнуться, но он не ухмыльнулся. Он заговорил, и в его голосе должно было бы прозвучать торжество, но и этого не было.

– Мы так и думали, приятель, – ты из будущего, – сказал он. – Мы тут устроились довольно давно и знали, что ты не можешь быть из настоящего. А раз так, нетрудно было сообразить, что, когда этот твой танк вчера исчез, ты прыгнул во времени или вперед, или назад, и два против одного, что назад. Мы решили рискнуть, предположили, что ты сделаешь то же еще раз, если тебя прижать к стене, и устроили для тебя небольшую ловушку. Мы рассудили, что у тебя хватит ума в нее попасть. И верно – хватило. Я не распыляю тебя прямо сейчас же только потому, что еще не вернулись Роул и Фритад. Я хочу, чтобы они сначала на тебя полюбовались. А потом я тебя распылю, будь уверен. И этих обоих тоже. Нам они больше не нужны.

У Карпентера мороз пробежал по спине. В этих чисто логических рассуждениях было слишком много от самой обыкновенной мстительности. Возможно, птеранодоны чуть ли не с самого начала пытались «распылить» Марси, Скипа, Сэма и его самого, и если бы не защитное поле Сэма, несомненно, так бы и сделали. «Ну ничего, – подумал Карпентер. – Логика – палка о двух концах, и не один ты умеешь ею пользоваться».

– А скоро вернутся твои дружки? – спросил он.

Холмер ответил непонимающим взглядом. И тут Карпентер заметил, что у Холмера в ушах нет сережек.

* * *

Карпентер повернулся к Марси:

– Скажи-ка мне, крошка, если этот корабль упадет на бок, не взорвется ли тут что-нибудь – от изменения положения, например, или от удара о землю? Ответь «да» или «нет», иначе наш приятель поймет, о чем мы говорим.

– Нет, мистер Карпентер.

– А конструкция корабля достаточно прочная? Переборки нас не раздавят?

– Нет, мистер Карпентер.

– А аппаратура в рубке? Она хорошо закреплена? Не упадет на нас?

– Нет, мистер Карпентер.

– Хорошо. Теперь постарайтесь вместе со Скипом как можно незаметнее подвинуться вон к той стальной колонне в центре. Когда корабль начнет валиться, хватайтесь за нее и держитесь изо всех сил.

– Что он тебе говорит, девчонка? – резко спросил Холмер.

Марси показала ему язык.

– Так я тебе и сказала!

Очевидно, способность принимать хладнокровно взвешенные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой, отнюдь не сопровождалась способностью соображать быстро. Только в эту минуту десентиментализированный марсианин понял, что из всех присутствующих лишь у него одного нет сережек.

Он полез в небольшую сумку, висевшую у него на поясе, достал оттуда пару сережек и начал одной рукой надевать их, продолжая держать в другой распылитель, нацеленный Карпентеру в лоб. Карпентер нащупал большим пальцем правой руки крохотные выпуклости на управляющем перстне, надетом на его указательный палец, отыскал нужные и нажал на них в нужной последовательности. Внизу, на равнине, из пальмовой рощицы показалась тупоносая морда Сэма.

Карпентер сосредоточился и начал мысленно передавать по телепатическому каналу, который теперь соединил его мозг с крестцовым нервным центром Сэма:

– Сэм, убери рогопушки и включи защитное поле вокруг колпака кабины.

Сэм выполнил приказ.

– Теперь отступи назад, разбегись как следует, упрись в посадочную стойку справа от тебя и вышиби ее. А потом удирай во все лопатки!

Сэм выполз из рощицы, развернулся и рысью пробежал сотню метров по равнине. Потом он снова развернулся, готовясь к предстоящей атаке, и медленно двинулся вперед, а затем переключился на вторую передачу. Его топот превратился в громовые раскаты, которые проникли сквозь переборки в радиорубку. Холмер, который наконец вставил в уши сережки, вздрогнул и шагнул к иллюминатору.

К этому времени Сэм уже несли к кораблю, как таран. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что произойдет дальше.

Холмер имел не меньше семи пядей во лбу. Но иногда лишний ум не менее опасен, чем скудоумие. Так было и на этот раз. Позабыв о Карпентере, марсианин повернул рычажок справа от иллюминатора. Толстое небьющееся стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и направил свой распылитель вниз. В то же мгновение Сэм врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел в раскрытый иллюминатор.

Дети уже вцепились в колонну. Сделав отчаянный прыжок, Карпентер присоединился к ним.

– Держись, ребята! – крикнул он и повис на колонне.

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. В такие моменты лесорубы обычно кричат: «Пошел!» На этот раз кричать было некому, что не помешало гинкго благополучно завершить падение. На многие километры вокруг попрятались ящерицы, зарылись в землю черепахи, застыли, разинув рот, зауроподы. «БУММММ!» Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны, но он ухитрился обхватить их и смягчить падение своим телом.

От удара о переборку спиной у него перехватило дыхание. И все погрузилось во тьму.

* * *

Через некоторое время у него в глазах посветлело. Он увидел лицо Марси, парящее над ним, наподобие маленькой бледной луны. Ее глаза были как осенние астры после первого заморозка.

Она расстегнула ему воротник и, плача, гладила его щеки. Он улыбнулся ей, с трудом поднялся на ноги и огляделся. В радиорубке ничего не изменилось, но выглядела она как-то

странно. Потом он понял: это оттого, что он стоит не на палубе, а на переборке. К тому же он все еще был сильно оглушен.

– Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер! – сквозь слезы говорила Марси.

Он взъерошил ее лютиковые волосы.

– Что, здорово я тебя обманул?

Через дверь, теперь оказавшуюся в горизонтальном положении, в рубку вошел Скип, держа в руках небольшой контейнер. При виде Карпентера лицо его осветилось радостью.

– Я пошел за укрепляющим газом, но, похоже, он вам уже не понадобится. Ну и рад же я, что с вами ничего не случилось, мистер Карпентер!

– С вами, кажется, тоже? – спросил Карпентер и с облегчением услышал утвердительный ответ. Все еще немного оглушенный, он взобрался по плавно изогнутой переборке к иллюминатору и выглянул наружу. Сэма нигде не было видно. Вспомнив, что канал телепатической связи все еще включен, Карпентер приказал трицератанку вернуться, а потом вылез через иллюминатор, спустился на землю и отправился искать тело Холмера. Поиски оказались безуспешными. Карпентер решил было, что Холмер остался жив и скрылся в лесу. Но потом он наткнулся на одну из трясин, которыми изобилowała местность. При виде ее взбаламученной поверхности он содрогнулся. Ну ладно – во всяком случае, теперь он знает, чьи это останки. Вернее, чьи это были останки.

В это время показался Сэм. Он приблизился тяжелой рысью, обогнув трясину, вовремя замеченную его навигационными приборами. Карпентер похлопал ящероход по голове, на которой не осталось ни малейших следов от недавнего столкновения с посадочной стойкой, потом выключил телепатическую связь и вернулся в корабль. Марси и Скип стояли у иллюминатора и не сводили глаз с неба. Карпентер повернулся и тоже посмотрел вверх. Над горизонтом виднелись три темных пятнышка.

Тут в голове у него окончательно прояснилось, он схватил обоих детей в охапку и помог им спуститься на землю.

– Бегите к Сэму! – крикнул он. – Скорее!

Сам он бросился вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Они успели добежать до ящерохода и карабкались в кабину, а он не пробежал еще и полпути. Птеранодоны были уже близко – он видел на земле их тени, быстро его настигавшие. Но он не заметил под ногами небольшую черепаху, которая изо всех сил старалась убраться у него с дороги. Он споткнулся об нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули колпак Сэма. А через секунду он оцепенел от ужаса: ящероход исчез!

И вдруг на землю легла еще одна тень – такая огромная, что она поглотила птеранодонов.

Карпентер повернулся на бок и увидел космический корабль – он опускался на равнину, словно какой-то внеземной небоскреб. В то же мгновение из его верхней части вылетели три радужных луча. «ПФФФТ! ПФФФТ! ПФФФТ!» И все три птеранодона исчезли.

Небоскреб грузно приземлился, открыл люки размером с парадный подъезд и выкинул трап шириной с тротуар Пятой авеню. Из люка по трапу двинулась Подмога. Карпентер взглянул в другую сторону и увидел, что Сэм снова появился на том самом месте, где исчез. Колпак откинулся, и из кабины показались Марси и Скип в клубах голубоватого дыма.

Карпентер понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с двадцать вторым веком.

* * *

Дети подбежали к нему в тот момент, когда командующий Подмогой выступил перед фронтом своего войска. Оно состояло из шести рослых марсиан в пурпурных тогах, с суровыми

лицами и распылителями в руках. Командир был еще более рослым, в еще более пурпурной тоге, с еще более суровым лицом, а в руке у него было нечто вроде волшебной палочки, какие бывают у фей. Он окинул Карпентера недобрый взглядом, потом таким же недобрый взглядом окинул обоих детей.

Дети помогли Карпентеру подняться на ноги. Не то чтобы он физически нуждался в помощи – просто он был ошарашен стремительной сменой событий и слегка растерялся. Марси плакала.

– Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер, – глотая слова от волнения, говорила она. – Но, чтобы спасти вам жизнь, оставалось только одно – прыгнуть назад на четыре дня, два часа, шестнадцать минут и три и три четверти секунды, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиogramму Космической полиции. Иначе они не успели бы вовремя. Я сообщила им, что вы попали в беду и чтобы у них были наготове радугометы. А потом, как раз когда мы хотели вернуться в настоящее, у Сэма сломался временный двигатель, и Скипу пришлось его чинить, а потом Сэм все равно перегорел. Простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер! Теперь вы больше никогда не сможете вернуться в 79 062 156 год, и увидеть мисс Сэндз, и...

Карпентер похлопал ее по плечу.

– Ничего, крошка. Все в порядке. Вы правильно сделали, и я вами горжусь.

Он восхищенно покрутил головой.

– Это же надо было все так точно рассчитать!

Улыбка пробилась сквозь слезы, и слезы высохли.

– Я... я же неплохо считаю, мистер Карпентер.

– А рубильник включил я! – вмешался Скип. – И временный двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Карпентер усмехнулся.

– Знаю, Скип. Вы оба просто молодцы.

Он повернулся к рослому марсианину с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вддел в уши сережки.

– Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом, – сказал Карпентер. – И я весьма признателен. А теперь мне, боюсь, придется просить вас еще об одном одолжении – взять меня с собой на Марс. Мой ящероход перегорел, и отремонтировать его могут только специалисты, да и то лишь в сверхсовременной мастерской со всеми приспособлениями. Из этого следует, что я лишен всякой возможности связаться с временем, из которого сюда прибыл, или в него вернуться.

– Мое имя Гаутор, – сказал рослый марсианин и повернулся к Марси. – Изложи мне со всей краткостью, на какую ты способна, все, что произошло начиная с твоего прибытия на эту планету и до настоящего момента.

Марси повиновалась.

– Так что вы видите, сэр, – закончила она, – помогая Скипу и мне, мистер Карпентер оказался в очень тяжелом положении. Вернуться в свое время он не может, выжить в этом времени – тоже. Мы просто вынуждены взять его с собой на Марс, и все.

* * *

Гаутор ничего не ответил. Он небрежным жестом поднял свою волшебную палочку, направил ее на лежащий корабль похитителей и повернул рукоятку. Палочка загорелась яркими зелеными и синими огнями.

Через несколько секунд из небоскреба вылетел радужный сноп огня, упал на корабль похитителей, и с кораблем произошло то же, что и с тремя птеранодонами. Гаутор повернулся к своим людям.

– Проводите детей на борт полицейского крейсера и обеспечьте им должный уход. Потом он повернулся к Карпентеру.

– Правительство Большого Марса выражает вам признательность за оказанную услугу – спасение двух его будущих бесценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, прощайте.

Гаутор отвернулся. Марси и Скип бросились к нему.

– Вы не можете его здесь оставить! – вскричала Марси. – Он погибнет!

Гаутор дал знак двоим марсианам, к которым только что обращался. Они прыгнули вперед, схватили детей и поволокли их к кораблю-небоскребу.

– Погодите, – вмешался Карпентер, несколько озадаченный новым поворотом событий, но не потерявший присутствия духа. – Я не умоляю о спасении моей жизни, но если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Могу...

– Мистер Карпентер, если бы мы хотели путешествовать во времени, мы бы давным-давно этому научились. Путешествие во времени – занятие для глупцов. Прошрое уже случилось, и изменить его нельзя. Так стоит ли пытаться? Что же касается будущего – нужно быть идиотом, чтобы стремиться узнать, что будет завтра.

– Ну ладно, – сказал Карпентер, – тогда я не буду изобретать путешествие во времени, буду держать язык за зубами, жить тихо-спокойно и стану примерным гражданином.

– Не станете, мистер Карпентер, и вы сами это прекрасно знаете. Для этого вас нужно десентиментализировать. А по выражению вашего лица я могу сказать, что вы никогда добровольно на это не согласитесь. Вы скорее останетесь здесь, в вашем доисторическом прошлом, и здесь погибнете.

– Раз уж на то пошло, пожалуй, я так и сделаю, – ответил Карпентер. – Даже тираннозавр в сравнении с вами – просто филантроп, а уж все остальные динозавры, и ящеротазовые, и птицетазовые, не в пример человечнее. Но, мне кажется, есть одна простая вещь, которую вы могли бы для меня сделать без особого ущерба для своего десентиментализированного душевного спокойствия. Вы могли бы дать мне какое-нибудь оружие взамен того, что уничтожил Холмер.

Гаутор покачал головой.

– Как раз этого я и не могу сделать, мистер Карпентер, потому что оружие легко может быть обнаружено вместе с вашими останками, и тем самым на меня ляжет ответственность за анахронизм. Один такой анахронизм уже отчасти на моей совести – труп Холмера, который мы не можем извлечь. Я не хочу рисковать и брать на себя новую ответственность. Как вы думаете, почему я уничтожил корабль похитителей?

– Мистер Карпентер! – крикнул Скип с трапа, по которому его с сестрой волокли двое марсиан. – Может быть, Сэм не совсем перегорел? Может быть, у него еще хватит сил хотя бы послать назад банку зайчатины?

– Боюсь, что нет, Скип, – крикнул в ответ Карпентер. – Но ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня – я перебыюсь. Животные всегда меня любили, а ведь ящеры – тоже животные. Может быть, и они меня полюбят?

– О, мистер Карпентер, – прокричала Марси, – мне ужасно жаль, что все так вышло. Почему вы не взяли нас с собой в ваш 79 062 156 год? Мы все время этого хотели, только боялись сказать.

– Да, надо бы мне так сделать, крошка, надо бы...

В глазах у него все вдруг расплылось, и он отвернулся. Когда же он снова взглянул в ту сторону, двое марсиан уводили Марси и Скипа в шлюзовую камеру. Он помахал рукой.

– Прощайте, ребята! – крикнул он. – Я никогда вас не забуду!

Марси сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Еще немного – и это бы ей удалось. В ее глазах, похожих на осенние астры, утренней росой блестели слезы.

– Я люблю вас, мистер Карпентер! – успела она прокричать перед тем, как скрылась из виду. – Я буду любить вас всю жизнь!

Двумя ловкими движениями Гаутор вырвал сережки из ушей Карпентера, потом вместе с остальными марсианами поднялся по трапу и вошел в корабль.

«Вот тебе и Подмога», – подумал Карпентер. Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, величественно поднялся в воздух и некоторое время парил над Землей. Наконец, отбросив слепящий поток света, он устремился в небо, взвился к зениту и превратился в звездочку. Это не была падающая звезда, и все-таки Карпентер загадал желание.

– Желаю вам обоим счастья, – сказал он. – И желаю, чтобы они не смогли отнять у вас сердце, потому что уж очень хорошие у вас сердца.

Звездочка поблекла, замерцала и исчезла. Он остался один на обширной равнине.

Земля дрогнула. Повернувшись, он увидел, что справа, рядом с тремя веерными пальмами, движется что-то большое и темное. Через мгновение он различил гигантскую голову и массивное прямостоящее туловище. Два ряда саблевидных зубов сверкнули на солнце, и он невольно сделал шаг назад.

Это был тираннозавр.

5

Ящероход, даже если он сломан, – все же лучше, чем ничего. И Карпентер помчался к Сэму. Забравшись в кабину и захлопнув колпак, он смотрел, как приближается тираннозавр. Было ясно, что хищник заметил Карпентера и теперь направляется прямо к Сэму. Защитное поле кабины было выключено Марси со Скипом, и Карпентер представлял собой довольно-таки легкую добычу. Однако он не спешил убраться в кабину, потому что Марси и Скип оставили выдвинутыми рогопушки. Навести их теперь было невозможно, но стрелять они все еще могли. Если бы тираннозавр подошел на нужное расстояние, то его, может быть, удалось бы на некоторое время вывести из строя парализующими зарядами. Правда, пока что тираннозавр приближался под прямым углом к направлению, куда смотрели рогопушки, но все еще оставалась надежда на то, что, прежде чем напасть, он окажется перед ними, и Карпентер решил выждать.

Он низко пригнулся на сиденье, готовый нажать на спуск. Кондиционер не работал, и в кабине было жарко и душно. К тому же в воздухе стоял едкий запах горелой изоляции. Карпентер заставил себя не обращать на это внимания и сосредоточился.

Тираннозавр был уже так близко, что можно было разглядеть его атрофированные передние ноги. Они свисали с узких плеч чудовища, словно высохшие лапки какого-то другого существа, раз в десять меньшего. Над ними, в добрых семи метрах от земли, на шее толщиной со ствол дерева возвышалась гигантская голова: под ними уродливый торс, расширяясь книзу, переходил в задние ноги. Мощный хвост волочился позади, и треск ломающихся под его тяжестью кустов сопровождал громовые удары, которые раздавались всякий раз, когда на землю ступала огромная лапа с птичьим когтем на конце. Карпентер должен был бы оцепенеть от ужаса – он никак не мог понять, почему ему не страшно.

В нескольких метрах от трицератанка тираннозавр остановился, и его приоткрытая пасть разинулась еще шире. Полуметровые зубы, торчавшие из челюстей, могли сокрушить лобовой колпак Сэма, как бумажный, и, по всей видимости, именно это чудовище и собиралось вот-вот сделать. Карпентер приготовился поспешно ретироваться в кабину, но в самый страшный момент тираннозавру как будто не понравилось выбранное им направление атаки, и он начал приближаться к ящероходу спереди, предоставляя Карпентеру долгожданную возможность. Его пальцы легли на первую из трех спусковых кнопок, но не нажали ее. «Почему же все-таки мне совсем не страшно?» – пронеслось в его голове.

Он взглянул сквозь колпак на чудовищную голову. Огромные челюсти продолжали раскрываться все шире. Вот уже вся верхняя часть черепа поднялась вертикально. Карпентер не поверил своим глазам – над нижним рядом зубов показалась еще одна голова, на этот раз отнюдь не чудовищная, и посмотрела на него ясными голубыми глазами.

– Мисс Сэндз! – выдохнул он и чуть не свалился с водительского сиденья.

* * *

Придя в себя, он откинул колпак, вышел на тупоносую морду Сэма и любовно похлопал тираннозавра по брюху.

– Эдит! – сказал он ласково. – Эдит, милочка, это ты!

– Вы целы, мистер Карпентер? – крикнула сверху мисс Сэндз.

– Вполне, – ответил Карпентер. – Ну и рад же я вас видеть, мисс Сэндз!

Рядом с ее головкой показалась еще одна – знакомая каштановая голова Питера Детрай-теса.

– А меня вы тоже рады видеть, мистер Карпентер?

– Еще бы, Пит, приятель!

Мисс Сэндз выдвинула из нижней губы Эдит трап, и оба спустились вниз. Питер Детрайтес тащил за собой буксирный трос, который тут же принялся прицеплять к морде Сэма и к хвосту Эдит. Карпентер помогал ему.

– А откуда вы узнали, что мне пришлось туго? – спросил он. – Ведь я ничего не посылал.

– Сердце подсказало, – ответил Питер Детрайтес и повернулся к мисс Сэндз. – Ну, у нас все, Сэндз.

– Что ж, тогда поехали, – откликнулась мисс Сэндз. Она взглянула на Карпентера и быстро опустила глаза. – Если, конечно, вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпентер.

Теперь, когда первое радостное возбуждение схлынуло, он почувствовал, что снова, как и прежде, совсем теряется в ее присутствии.

– Покончил, мисс Сэндз, – сказал он, обращаясь к левому карману ее куртки. – И вы не поверите, как все обернулось!

– Ну, не знаю. Бывает, самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-нибудь поесть, мистер Карпентер.

Она легко поднялась по лестнице. Карпентер последовал за ней, а за ним – Питер Детрайтес.

– Я сяду за руль, мистер Карпентер, – сказал он. – Похоже, что вы порядком измотаны.

– Так оно и есть, – признался Карпентер.

Спустившись в каюту Эдит, он рухнул на койку. Мисс Сэндз зашла в кухонный отсек, поставила воду для кофе и достала из холодильника ветчину. Питер Детрайтес, оставшийся наверху, в кабине, захлопнул колпак, и Эдит тронулась.

Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И не только сидеть за рулем – он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. «Странно, почему они с мисс Сэндз не влюбились друг в друга? – подумал Карпентер. – Они оба такие милые, что им давно следовало бы это сделать». Конечно, Карпентер был рад, что этого не произошло, хотя ему-то от этого было не легче.

А почему они ни слова не сказали о корабле Космической полиции? Ведь не могли же они не видеть, как он взлетает...

Эдит не спеша двигалась по равнине в сторону холмов. Через иллюминатор было видно, как за ней ковыляет Сэм. В кухне мисс Сэндз резала ветчину. Карпентер засмотрелся на нее, пытаясь отогнать печаль, навеянную расставанием с Марси и Скипом. Его взгляд остановился на ее стройных ногах, тонкой талии, поднялся выше, к медно-красным волосам, задержавшись на мгновение на шелковистом пушке, который покрывал ее шею под короткой стрижкой. Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют...

Карпентер неподвижно лежал на койке.

– Мисс Сэндз, – сказал он вдруг. – Сколько будет 499 999 991 умножить на 8 003 432 111? – 400 171 598 369 111 001.

Мисс Сэндз вдруг вздрогнула. А потом продолжила резать ветчину.

* * *

Карпентер медленно сел и спустил ноги на пол. У него сжалось сердце и перехватило дыхание.

Возьмите двух одиноких детишек. Один из них гений по части математики, другой – по части техники. Двое одиноких детишек, которые за всю свою жизнь не знали, что такое быть любимыми. Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который при всех своих достоинствах – всего лишь чудесная огромная игрушка. Устройте для них импровизированный

пикник в меловом периоде и приласкайте их впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте им сильнейший стимул к возвращению – необходимость спасти человека. И при этом сделайте так, чтобы, спасая его жизнь, они могли – в ином, но не менее реальном смысле слова – спасти свою.

Но 79 062 156 лет! 75 000 000 километров! Это невозможно! А почему?

Они могли тайком построить машину времени в своей подготовительной школе, делая вид, что готовятся к десентиментализации; потом, как раз перед тем, как начать принимать десентиментализирующий препарат, они могли войти в машину и совершить скачок в далекое будущее.

Правда, такой скачок должен был бы потребовать огромного количества энергии. Правда, картина, которую они увидели бы на Марсе, прибыв в будущее, не могла не потрясти их до глубины души. Но это были предприимчивые дети – достаточно предприимчивые, чтобы использовать любой значительный источник энергии, оказавшийся под рукой, и чтобы выжить при нынешнем климате и в нынешней атмосфере Марса до тех пор, пока не отыщут одну из марсианских пещер с кислородом. А там о них должны были бы позаботиться марсиане, которые научили бы их всему, что нужно, чтобы они смогли сойти за уроженцев Земли в одном из куполов-колоний. Что же касается колонистов, то те вряд ли стали бы задавать лишние вопросы, потому что были бы счастливы увеличить свою скудную численность еще на двух человек. Дальше детям оставалось бы только терпеливо ждать, пока они вырастут и смогут заработать на поездку на Землю. А там им оставалось бы только получить нужное образование и стать палеонтологами.

Конечно, на все это понадобилось бы много лет. Но они должны были предвидеть это и рассчитать свой прыжок во времени так, чтобы прибыть заранее и к 2156 году все успеть. И этого запаса времени только-только хватило: мисс Сэндз работает в САПО всего три месяца, а Питер Детрайтес устроился туда месяцем позже. По ее рекомендации, разумеется.

Они просто шли кружным путем, вот и все. Сначала 75 000 000 километров до Марса в прошлом; потом 79 062 100 лет до нынешнего Марса; снова 75 000 000 километров до нынешней Земли – и наконец, 79 062 156 лет в прошлое Земли.

Карпентер сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут мисс Сэндз и Питер Детрайтес? – подумал он. Наверное, знали – во всяком случае, именно на это они рассчитывали, потому и взяли себе такие имена, когда присоединились к колонистам. Получается парадокс, но не очень страшный, так что и беспокоиться об этом нечего. Во всяком случае, новые имена им вполне подошли.

Но почему они вели себя так, как будто с ним незнакомы?

Так ведь они и были незнакомы, разве нет? А если бы они рассказали ему всю правду, разве он бы им поверил?

Конечно нет.

Впрочем, все это ничуть не объясняло, почему мисс Сэндз так его не любит.

А может быть, дело совсем не в этом? Может быть, она так держится с ним потому же, почему и он так с ней держится? Может быть, и она так же боготворит его, как он ее, и так же теряется при нем, как и он при ней? Может быть, она старается по возможности на него не смотреть, потому что боится выдать свои чувства, пока он не узнает, кто она такая?

Все расплылось у него перед глазами.

* * *

Каюту заполнял ровный гул моторов Эдит. И довольно долго ничто больше не нарушало тишины.

– В чем дело, мистер Карпентер? – неожиданно сказала мисс Сэндз. – Заснули?

И тогда он встал. Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы, она смотрела на него с нежностью и обожанием – точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79 062 156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере. «Да если вы скажете ей, что любите ее, она бросится вам на шею – вот увидите!»

– Я люблю тебя, крошка, – сказал Карпентер.

И она бросилась ему на шею.

Эмили и великие барды

Перевод Н. Виленской

Каждым утром, приходя на работу в музей, Эмили совершала обход своих подопечных. Официально она числилась помощником хранителя Зала Поэтов, но в душе почитала себя счастливейшей из смертных, приобщенной к лику (по словам одного из них) «тех грандиозных поэтов, носителей громких имен, чьи стоны звучат еще эхом в немых коридорах времен»³.

Поэты располагались не хронологически, а по алфавиту, и Эмили, начиная с А, могла приберечь напоследок (или почти напоследок) своего любимого лорда Альфреда Теннисона.

Она каждому желала доброго утра, и каждый на свой лад отвечал ей, но лорду Альфреду она всегда говорила еще что-нибудь. «Хороший день для сочинительства, правда?» или «Надеюсь, «Идиллии» вам больше не доставят хлопот». Она, конечно же, знала, что он ничего больше не сочинит, что гусиное перо и бумага лежат на его пюпитре только для вида, что он способен процитировать только то, что написал в позапрошлом веке его двойник из плоти и крови; но почему бы не помечтать под магнитофонную запись, выдающую что-нибудь вроде «По весне кичится голубь блеском радужной каймы, по весне к любовной грезе чутки юные умы»⁴ или «Только розы и лилии ради меня / До зари не смыкали глаз»⁵.

Эмили пришла в Зал Поэтов, преисполненная великих надежд. Вместе с музейными директорами, учредившими этот зал, она искренне верила, что поэзия не умерла в этом мире. Стоит людям понять, что они, не листая больше пыльные книги, могут услышать волшебные строки из уст точной копии создателя этих строк, от посетителей отбою не будет. Однако ее и директората надежды, к несчастью, не оправдались.

Среднего жителя двадцать первого века модель Браунинга интересовала не больше его печатного наследия, а немногочисленные ценители по старинке предпочитали чтение и публично объявляли музейные манекены профанацией и преступлением против великих мастеров слова.

Но Эмили исправно несла вахту у себя за столом и вплоть до рокового утра верила, что кто-нибудь непременно повернет из украшенного фресками фойе в ее правый коридор (вместо левого, ведущего к Залу Автомобилей, или среднего, к Залу Электроприборов). Повернет, и подойдет к ней, и спросит: «А Ли Хант тоже здесь? Всегда хотел узнать, с чего это Дженни поцеловала его – может, он скажет?»⁶ Или: «А Шекспир не занят сейчас? Всегда хотел потолковать с ним о сумрачной Дании». За все эти годы к ней заходили только ее коллеги, уборщик и ночной сторож, зато она близко познакомилась со всеми своими бардами и глубоко сочувствовала им, никому не нужным, а заодно и себе, плывущей в одной с ними лодке.

В то утро, когда поэтические небеса рухнули наземь, Эмили совершала свой обход, не ведая, что ожидает ее в скором будущем. Роберт Браунинг в ответ на ее приветствие изрек свое обычное «Год добрался до весны, день дозрел до утра», Уильям Купер посетовал: «Идет уже двадцатый год, / Как мрачен стал наш небосвод», Эдвард Фитцджеральд объявил: «Чуть ясной синевой взиграет день в окне, / Прозрачного вина желанна влага мне». Эмили в глубине души не соглашалась с решением директоров принять Фитцджеральда в Зал Поэтов: Омара

³ Генри Лонгфелло, «Дня уж нет». Пер. И. Анненского.

⁴ «Локсли-Холл». Пер. Д. Катава.

⁵ «Мод». Пер. Г. Кружкова.

⁶ Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский поэт. «Поцеловала меня Дженни» – его программное стихотворение.

Хайяма он, конечно, переводил блестяще, но это еще не делало его настоящим поэтом – таким, как Милтон и Байрон, таким, как Теннисон.

К лорду Альфреду Эмили приближалась, зардевшись, как расцветающая роза. Что-то он ей скажет сегодня? В отличие от большинства других, он никогда не повторялся – возможно, потому, что был одной из новейших моделей (хотя Эмили даже мысленно не называла своих подопечных «моделями»).

Подойдя к заветному пьедесталу, она взглянула на молодое лицо (все поэты выглядели, как в свои молодые годы) и сказала:

– Доброе утро, лорд Альфред.

Синтетические губы улыбнулись ей, тихий голос произнес:

Утренний ветер проснулся, И планета любви в вышине, на
небесной постели Начала угасать в объятиях света⁷.

Слова эти так озарили одинокое сердце Эмили, что она забыла даже пожелать мастеру творческих успехов. Постояла, взирая на него с чувством сродни благоговению, и рассеянно двинулась дальше, желая доброго утра Уитмену, Уайльдсу, Вордсворту, Йейтсу...

Увидев у стола хранителя, мистера Брэндона, она удивилась. Он редко заходил в этот зал, уделяя все внимание техническим экспозициям и предоставляя поэтов своей помощнице.

– Доброе утро, мисс Мередит! У меня для вас хорошая новость.

Не иначе Перси Биши Шелли, подумала Эмили. Поэт заикался, и она много раз просила мистера Брэндона написать в «Андроид, Инк.», чтобы модель заменили. Возможно, куратор наконец это сделал.

– Да, мистер Брэндон?

– Как вы знаете, мисс Мередит, Зал Поэтов наших ожиданий не оправдал. Я лично думаю, что это с самого начала было бесперспективной затеей, но кто же станет слушать простого хранителя? Захотел совет директоров поставить андроидов-стихоплетов – поставили андроидов-стихоплетов. Счастлив сообщить вам, что дирекция наконец-то пришла в себя и признала, что поэзия в глазах общественности мертва и что Зал Поэтов...

– Общественность скоро поймет, я уверена, – вставила Эмили.

– Зал Поэтов, – неумолимо продолжал мистер Брэндон, – попусту расходует музейные средства, в то время как Зал Автомобилей срочно нуждается в расширении. Совет решил немедленно убрать поэтов, чтобы освободить место для экспозиции «Хромовый век». Это важнейший период в...

– Но что же будет с поэтами? – опять перебила Эмили. Небеса рушились, звеня осколками некогда гордых строк.

– Их перенесут в запасник, – с легкой сочувствующей улыбкой ответил хранитель. – Если публика когда-либо заинтересуется ими, мы просто распакуем их и...

– Они же погибнут там! Умрут от удушья!

– Вам не кажется, что это немного смешно, мисс Мередит? Как может андроид умереть от удушья?

Эмили залилась краской, однако не уступила.

– Их удушат не произнесенные ими слова. Поэзия умирает, когда никто не слышит ее.

Раздраженный мистер Брэндон тоже порозовел слегка.

– Нереалистично, мисс Мередит. Вы меня разочаровываете: я-то думал, вы будете рады возглавить прогрессивную выставку вместо мавзолея мертвых поэтов.

– Возглавить? Ваш «Хромовый век»?

⁷ Альфред Теннисон. Поэма «Мод».

Мистер Брэндон смягчился, приняв ее оторопь за почтительный трепет.

– Ну разумеется! Не думали же вы, что я отдам ваш зал кому-то другому. – Он даже передернулся, словно самая эта мысль ему претила, и понятно почему: кто-то другой потребовал бы прибавить ему зарплату. – Вы завтра же приступаете к своим новым обязанностям. Ночью рабочие поставят автомобили, декораторы с утра оборудуют все как надо, и мы сможем открыться уже послезавтра. Знакомы вы с Хромовым веком, мисс Мередит?

– Нет, – прошептала она.

– Я так и думал, поэтому принес вам вот это. – Брэндон вручил ей толстую книгу под заглавием «Хромовый мотив в искусстве двадцатого века». – Отнеситесь к ней как к Святому Писанию!

Небеса обрушились полностью. Эмили беспомощно стояла среди голубых осколков с тяжелым «Хромовым мотивом» в руках.

Она кое-как дотянула до конца дня, попрощалась с поэтами, вышла в электронную дверь и проплакала в аэротакси до самого дома. Квартира выглядела столь же неприглядно, как раньше, когда в жизнь Эмили не вошли еще великие барды, видеоэкран смотрел из полумрака, как злобный глаз морского чудовища.

Эмили поужинала, не чувствуя вкуса, и рано легла спать, глядя в окно на большую рекламу напротив. ПРИМИ СЛАДКИЙ СОН, посоветовала реклама и добавила: zzzzzzzzzzzz-zzzzzzzzz. Сначала Эмили была леди Шалотт и плыла в белоснежных одеждах по реке к Камелоту, потом ныряла глубоко в пруд и надеялась, что соседским мальчишкам, заставшим ее голой, надоест орать непристойности и они уйдут наконец. Они ушли только после шестого нырка; она, вся синяя, вылезла из воды, натянула дакроновое платье и побежала в деревню – но нет, она не бежала больше, а плыла, плыла по реке в Камелот. «...И в челне / Вдаль заскользила вслед волне / Волшебница Шалотт». Рыцари и простолюдины, выйдя на пристань, прочли на носу челна ее имя, а потом появился Ланселот – или Альфред. Он был то одним, то другим, и оба порой сливались в одно. «Ее прекрасен лик, – сказал он. Эмили, леди Шалотт, слышала его ясно, хотя была определенно мертва. – Господь, во благодсти велик, / Будь милостив к Шалотт»⁸.

За ночь Зал Поэтов сделался неузнаваемым: его заняли произведения искусства двадцатого века. Там, где Роберт Браунинг мечтал об Элизабет Баррет, сверкал «Файрдом-8», а священное место Альфреда Теннисона заняло нечто длинное, низкое и обтекаемое с немислимым названием «Тандерберд».

Глаза мистера Брэндона сверкали не хуже, чем его любимые хромированные изделия.

— Ну, как вам наша новая экспозиция, мисс Мередит?

Эмили придержала язык. Увольнение разлучит ее с поэтами окончательно – работая в музее, она по крайней мере будет знать, что они где-то рядом.

– Просто ослепительно, – сказала она.

– Послушаем, что вы скажете, когда декораторы закончат свою работу! Я почти завидую вам, мисс Мередит – у вас будет самый посещаемый зал!

— Да, вероятно. А почему... почему они так ярко раскрашены, мистер Брэндон?

– Вижу, что свой «Хромовый мотив» вы даже не открывали, – с укором ответил он. – Даже по суперобложке можно понять, что цвет в американской автомобильной промышленности стал неизбежным сопровождением хромированных деталей. Оба этих фактора создали новую эру автомобильного дизайна, продержавшуюся больше столетия.

– Прямо как пасхальные яйца. Неужели на них действительно ездили?

⁸ А. Теннисон, «Волшебница Шалотт». Пер. С. Лихачевой.

Глаза мистера Брэндона утратили блеск, энтузиазм сник, как проколотый шарик.

– Разумеется, ездили! Не нравится мне ваш настрой, мисс Мередит. Очень не нравится. – Он повернулся и пошел прочь.

Эмили, не желая его сердить, хотела извиниться – и не смогла. Переход от Теннисона к «Тандерберду» огорчил ее больше, чем она ожидала.

Все утро она празднично наблюдала за декораторами. Стены пастельных тонов стали намного ярче, окна в частом переплете скрылись за хромовыми жалюзи, яркие флуоресцентные лампы сменили скрытое освещение, паркет безжалостно покрыли синтетической плиткой. К полудню зал стал похож на большой общественный туалет – только хромовых унитазов и не хватает, цинично подумала Эмили.

Удобно ли ее поэтам в их ящиках? После ланча Эмили поднялась в чердачный запасник, чтобы это проверить – и не обнаружила их. Терзаемая подозрениями, она опять сошла вниз, отыскивала мистера Брэндона и спросила:

– Куда вы дели поэтов?

Вина мистера Брэндона бросалась в глаза, как ржавчина на хромовом бампере, у которого он стоял.

– Послушайте, мисс Мередит, не надо так...

– Где они?

– В подвале. – Лицо мистера Брэндона приобрело оттенок алого грязевого щитка.

– Почему там?

– Вы занимаете неверную позицию, мисс Мередит.

– Почему вы отнесли их в подвал?

– Наши первоначальные планы, боюсь, несколько изменились, – сказал мистер Брэндон, глядя на ламинат у себя под ногами. – Ввиду явного равнодушия посетителей музея к поэзии, а также потому, что реконструкция стоила больше ожидаемого...

– Вы собираетесь продать их на металлолом! – Гневные слезы брызнули на побелевшие щеки Эмили. – Ненавижу! И вас, и директоров! Вы, как сороки, хватаете все блестящее, тащите в свой музей и выбрасываете хорошие вещи, чтобы место освободить! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Пожалуйста, мисс Мередит, попытайтесь взглянуть на это реалистичнее... – Но платье Эмили со скромным геометрическим рисунком мелькало уже в конце автомобильного ряда. Мистер Брэндон вспомнил тоненькую девушку с затравленным взглядом и робкой улыбкой, которая когда-то подошла к нему в Зале Электроприборов и спросила, не найдется ли для нее работы. У него сразу возникла мысль – теперь она уже не казалась ему столь удачной – назначить ее ассистентом хранителя (уборщику платили больше, чем этому служащему) и повесить на нее Зал Поэтов, чтобы самому заняться чем-нибудь поприятнее. Вспомнил произошедшую с ней необъяснимую перемену: затравленное выражение исчезло из ее глаз, походка стала уверенной, на лице, особенно по утрам, играла улыбка.

Мистер Брэндон сердито пожал точно свинцом налившимися плечами.

Эмили разрыдалась, увидев своих поэтов. Их свалили в углу, и солнце из подвального окошка бледно лежало на их неподвижных лицах.

Кое-как отыскав Альфреда в общей куче, она усадила его на сломанный стул двадцатого века и села напротив. В его андроидных глазах читался немой вопрос.

– «Локсли-Холл», – сказала Эмили.

– «Здесь останусь я, пока разгорается восток. Вы ступайте; нужен буду – громко протрубите в рог», – начал Альфред. Когда он закончил читать «Локсли-Холл», Эмили заказала ему «Смерть Артура», а затем «Лотофагов». Стихи занимали ее только наполовину – вторая половина сознания работала над неотложной проблемой.

Лишь на середине «Мод» она осознала, что не видит больше его лица: за окошком начинало смеркаться. Эмили поспешно включила свет и поднялась на первый этаж, оставив Альфреда наедине с его Мод.

В музее было темно, не считая одинокой лампы в фойе. Никто, должно быть, не видел, как Эмили спускалась в подвал; мистер Брэндон подумал, что она ушла домой, и ушел сам, сдав помещение сторожу. Но где же сторож? Надо найти его и попросить открыть дверь, если она в самом деле хочет уйти.

Эмили думала о поэтах, брошенных в темный подвал, о блестящих машинах, занявших их святилище. Здесь, кстати, тоже что-то блестит...

Старая экспозиция демонстрировала снаряжение, которым век назад пользовались пожарные: химический огнетушитель, багор, лестница, свернутый брезентовый шланг, топор – он-то и блестел при электрическом свете.

Эмили почти бездумно взяла его, попробовала на вес – не такой уж тяжелый, вполне ей по силам.

С головой как в тумане она зашагала по коридору к бывшему Залу Поэтов, нашла выключатель... Новые лампы вспыхнули, как сверхновая, осветив вклад двадцатого века в искусство.

Машины стояли широким кругом бампер к бамперу, точно в недвижимых гонках. Прямо перед собой Эмили видела старинную модель, серую в отличие от своих ярких собратьев. Ничего, сойдет для начала. Эмили занесла топор, целясь в лобовое стекло – и не смогла его опустить.

Внутри виднелись леопардовые сиденья, приборная доска, руль... Что же здесь не так?

Эмили двинулась по кругу. Машины с разными размерами, цветом, хромовой отделкой, количеством лошадиных сил и вместимостью имели при этом одно общее качество: все они были пусты.

Машина без водителя мертва, как поэт в подвале.

Эмили, выронив топор, устремилась обратно в фойе.

– Никак мисс Мередит? – окликнул ее сторож у самой подвальной двери. – Мистер Брэндон не говорил, что сегодня кто-то задержится.

– Забыл, видимо, – с неожиданной для себя легкостью солгала Эмили. Не продолжить ли ей в том же духе? Задуманное потребует больших усилий, даже если использовать грузовой лифт. – Он просил вас помочь мне, если понадобится – и, боюсь, это будет необходимо!

Сторож хотел было процитировать профсоюзный устав, гласящий, что работа как таковая противопоказана ночным сторожам – но холодная решимость, которой он в Эмили раньше не замечал, побудила его смиренно ответить:

– Да, мисс Мередит... хорошо.

– Ну, мистер Брэндон, что скажете?

Глаза хранителя вылезли из орбит, челюсть отвисла, но уста его вполне разборчиво произнесли слово «анахронизм».

– Это потому, что они так одеты. Когда бюджет позволит, переоденем их в деловые костюмы.

Мистер Брэндон попытался представить Бена Джонсона, сидящего за рулем аквамаринового «бьюика», в пастельных одеждах двадцать первого века – и, к своему удивлению, преуспел.

– А знаете, мисс Мередит, в этом что-то есть. Думаю, совету понравится. На самом деле мы не хотели сдавать поэтов в утиль, просто не знали, как их лучше использовать. Но теперь...

Сердце Эмили наполнилось радостью. Когда речь идет о жизни и смерти, практическая польза – не такая уж большая цена.

Когда мистер Брэндон ушел, она совершила свой обычный обход. Роберт Браунинг, несколько приглушенно, сказал из «Паккарда-1958» свое «Год добрался до весны, / День дозрел до утра». «Идет уже двадцатый год, / Как мрачен стал наш небосвод», – откликнулся Уильям Купер с кожаного сиденья. Эдвард Фитцджеральд, якобы несущийся на бешеной скорости в «Крайслере» шестидесятого года, опять возжелал вина. Альфреда, лорда Теннисона, Эмили приберегла напоследок. Он вполне естественно смотрелся за рулем «Форда», выпущенного в шестьдесят пятом году, и, казалось, не отрывал глаз от хромированного заднего бампера передней машины – но Эмили-то знала, что он видит перед собой Камелот, и остров Шалотт, и Ланселота, едущего с Гвиневрой по зеленым британским землям.

Эмили не хотелось вторгаться в его мечты, но она знала, что возражать он не станет.

– Доброе утро, лорд Альфред.

Он повернул к ней свою благородную голову, устремил на нее прояснившийся взор и произнес звучным голосом:

Старый порядок сменяется новым В разных обличьях приходит
Господь...⁹

⁹ Альфред Теннисон. «Смерть Артура».

Летающая сковородка

Перевод Я. Лошаковой

Марианна Саммерс работала на фабрике сковородок. Восемь часов в день пять дней в неделю она стояла у конвейера, и каждый раз, когда мимо нее проезжала сковородка, прикрепляла к ней ручку. Долгое время, стоя у этого конвейера, она мысленно каталась на другом огромном конвейере, над которым вместо ламп дневного света проплывали дни и ночи, а вместо людей выстроились месяцы. Каждый раз, проезжая мимо месяца, она получала или отдавала что-нибудь и с течением времени все более отчетливо ощущала: там, в конце ленты, ее ждет тот решающий месяц, который приделает ручку к ее душе.

Иногда Марианна спрашивала себя, как ее засосало в эту рутину, и тут же одергивала себя: в душе она прекрасно знала ответ. Рутинa – удел всех бездарных личностей; если у тебя нет выдающихся способностей, туда тебе и дорога. А если ты к тому же упрямисься и отказываешься признаться себе в своей бездарности, ты застреваешь в ней надолго.

Одно дело – танцевать в телевизоре, и совсем другое – приделывать ручки к сковородкам: можно быть грациозной или неуклюжей, везучей или невезучей, но как ни крути, все сводится к одному – есть у тебя талант или нет. И, кроме того: ты можешь тренироваться сколько угодно, но если у тебя толстые ноги, никто не захочет смотреть твои танцы и ты все равно окажешься на фабрике сковородок. Каждое утро ты идешь на работу, каждый день похож на другой – точно такой же. И когда вечерней порой ты приходишь домой, перед тобой проплывают все те же мысли – как ты едешь на огромном конвейере сквозь беспощадные месяцы, пока не приблизится последний решающий месяц, который окончательно приведет тебя к общему знаменателю, и ты станешь такой же, как все...

По утрам она вставала и готовила завтрак в своей крошечной квартирке, а потом ехала на автобусе на работу. Вечерами возвращалась домой, в одиночестве готовила ужин, а потом смотрела телевизор. По выходным – писала письма и гуляла в парке. Порядок был неизменным, и Марианне казалось, что уже никогда ничего не изменится...

Но однажды вечером она вернулась домой и обнаружила у себя на оконном карнизе летающую сковородку.

Это был ничем не примечательный день – сковородки, начальство, скука и усталость в ногах. Около десяти часов к ней подошел механик и пригласил пойти с ним на танцы. Танцы были запланированы на вечер – каждый год компания устраивала вечеринку на свои средства в канун Дня Всех Святых. Марианна уже успела отказать пятнадцати кандидатам в партнеры по танцам.

Сковорода проехала мимо, и она приделала к ней ручку.

– Нет, скорее всего, я не пойду, – сказала она.

– Почему? – спросил он в лоб.

Вопрос был хороший, но Марианна не смогла дать на него честный ответ – правду она скрывала даже от самой себя. Поэтому повторила ту же невинную ложь, что говорила другим.

– Я... я не люблю танцевать.

– А-а.

Механик наградил ее тем же взглядом, что и остальные пятнадцать его предшественников, и пошел дальше. Марианна пожала плечами. Не все ли равно, что они подумают, сказала она себе. Мимо проехала еще одна сковородка, а за ней еще и еще.

Вскоре настало время обеда, и Марианна вместе с другими работниками поела сосисок с тушеной капустой в столовой компании. Ровно в 12:30 шествие сковородок возобновилось.

После обеда ее приглашали на танцы еще два раза. Можно подумать, она – единственная девушка на фабрике! Порой она ненавидела свои голубые глаза и круглое румяное лицо, даже свои светло-золотистые волосы, которые притягивали мужчин, как магнит. Но ненависть к своему внешнему виду не помогала ей в решении проблемы, а лишь усугубляла ее. К половине пятого у нее разболелась голова, белый свет был не мил.

Когда она вышла из автобуса на углу, дети уже выпрашивали сладости, как и положено в канун Дня Всех Святых. Повсюду были светящиеся тыквы, ведьмы и гоблины, хитро посматривающие по сторонам. Но Марианна ничего не замечала.

Канун Дня Всех Святых – праздник ребятишек, а не «озлобленной старухи» двадцати двух лет от роду, работающей на фабрике сковородок.

Она дошла до своего дома и забрала почту со стойки внизу. Ей пришло два письма, одно от матери, другое...

Сердце Марианны бешено колотилось, пока она поднималась в лифте на шестой этаж и шла по коридору к двери своей квартиры. Но вначале она заставила себя прочесть письмо от матери. Это было обычное, ничем не отличавшееся от предыдущих письмо. Урожай винограда выдался богатым, но после обрезания, подвязывания, дискования и найма конного пропащика, а также выплат сборщикам от чека ничего не останется (и неизвестно, когда он придет и придет ли вообще). Куры несутся лучше прежнего, словно чувствуют, что яйца подешевели. Эд Олмстэд делает пристройку к своему магазину (давно пора!). Дорис Хикетт родила мальчика весом в семь фунтов. Папочка обнимает тебя. Забудь уже, пожалуйста, свою глупую гордость и возвращайся домой. P. S. Марианна, ты должна увидеть, как чудесно Говард Кинг перестроил свой дом. Когда он закончит, выйдет роскошный дворец.

У Марианны комок подступил к горлу. Дрожащими пальцами она распечатала второе письмо:

«Дорогая Марианна,

Я обещал, что больше не буду писать тебе. Много раз в своих письмах я просил тебя вернуться домой и выйти за меня замуж, и все без ответа. Но есть вещи, ради которых стоит поступиться мужским самолюбием.

Думаю, ты уже знаешь, что я перестраиваю дом, и тебе известно, зачем я это делаю. Если ты еще не догадалась, то знай: я делаю это ради тебя, по этой же причине я купил этот дом. В нем будет всего одно панорамное окно, и я не знаю, где его делать – в гостиной или на кухне. На кухне оно было бы в самый раз, но оттуда будет виден только сарай, а ты знаешь, как он выглядит. В гостиной оно треснет первой же зимой, едва подует северо-западный ветер, но зато оттуда открывается чудесный вид на дорогу и ивы над рекой. Ума не приложу, что делать.

Холмы на юге у поляны оделись в золотисто-красные одежды, тебе всегда это нравилось. Ивы словно в огне. По вечерам я сижу на крыльце и представляю, как ты идешь по дороге и останавливаешься у калитки; я поднимаюсь, иду навстречу по тропинке и говорю тебе: «Я рад, что ты вернулась домой, Марианна. Ты же знаешь, что я тебя люблю, как и прежде». Услышь меня кто-то со стороны, наверняка бы подумал, что я не в своем уме – ведь дорога всегда пустынна, и у калитки никого нет.

Говард»

Это было декабрьским вечером, в морозном воздухе разносились песни, смех, хруст снега под ногами бегущих, пыхтение трактора, везущего сани, груженные сеном. Звезды были такими яркими и близкими, что, казалось, вот-вот заденут верхушки деревьев, едва различимые в темноте. Холмы, покрытые чистым, голубоватым в свете звезд снегом простирались вдаль, все выше и выше, до темной полоски леса. Все разместились в сене на санях, а Марианна ехала на тракторе рядом с Говардом; трактор бросало из стороны в сторону по ухабам, а свет фар прыгал по разбитой сельской дороге.

Говард обнял ее, она ощутила его морозное дыхание, когда их губы слились в поцелуе.
– Я люблю тебя, Марианна.

Она видела, как слова слетали с его губ клубами серебристого морозного воздуха и тонули в темноте. И неожиданно для самой себя заметила, как ее слова, тоже серебристые, несмело выдохнулись в воздух, и тут же с изумлением услышала:

– Я тоже люблю тебя, Гоуи. Тоже люблю...

Она не могла точно сказать, как долго она так сидела и плакала. Ее прервал тикающий звук. Наверное, долго, подумала она, раз ноги и руки затекли. Звук шел из окна ее спальни, и она подумала, что это обычные булавки, привязанные на веревках к окну. Они раскачивались от ветра и издавали стук. В детстве она вместе с другими детьми часто привязывала такие же булавки к окнам старичков, проводивших канун Дня Всех Святых в одиночестве.

Марианна вошла в спальню и зажгла настольную лампу. Мягкий свет проникал в гостиную, весело разлетаясь брызгами по ковру. Но теплый свет не сумел разогнать тени на стенах, сгущавшиеся в дверном проеме спальни. Марианна встала, прислушиваясь к звуку. Чем дольше она слушала, тем больше сомневалась, что стала жертвой проделок соседских ребятишек: тиканье было слишком равномерным – это не булавка, качающаяся на веревке. Сначала несколько отрывистых звуков, потом тишина, еще несколько звуков. Кроме того, она жила на шестом этаже, и рядом с окном ее спальни не было даже пожарной лестницы.

Но если это не детская шалость, то что? Ей в голову пришла отличная идея. Марианна заставила себя сдвинуться с места, медленно подошла к дверному проему, включила верхний свет и вошла в спальню. Еще несколько коротких шагов – и она у окна рядом с кроватью.

Она внимательно смотрела через стекло. Что-то поблескивало на оконном карнизе, но она не могла разглядеть, что именно. Тиканье прекратилось, и снизу послышался шум машин. Светящиеся прямоугольники окон дома напротив складывались в четкий рисунок в темноте, а совсем рядом огромная голубая реклама сообщала: «СТЕЛКИ КОМПАНИИ СПРАК – ВАШ ЛУЧШИЙ ВЫБОР!».

Марианна почувствовала себя увереннее. Она отодвинула шпингалет и медленно открыла окно. Сначала она даже не сообразила, что блестящий предмет прямо перед ней – летающая тарелка. Она приняла его за перевернутую сковороду без ручки. И следуя привычке, машинально протянула руку, пытаясь приделать к ней ручку.

– Не трогай мой корабль!

И только тогда Марианна увидела астронавта. Он стоял немного в стороне от корабля, его крошечный шлем поблескивал в свете «СТЕЛЕК КОМПАНИИ СПРАК». На нем был облегачающий скафандр серого цвета, увешанный бластерами и кислородными баллонами, и сапоги с загнутыми носами. Ростом он был всего пять дюймов. Пришелец держал в руке один из бластеров (Марианна была не совсем уверена, что это бластеры, но судя по остальной экипировке, чем еще они могли быть?). Он держал бластер за ствол, Марианна поняла, что это он стучал в окно рукояткой.

Ей также стало ясно, что она вот-вот сойдет с ума или уже сошла. Она попыталась закрыть окно...

– Ни с места! Превращу в пепел!

Она отдернула руки от рамы. Голос, казалось, был настоящим – тоненький, но, без сомнения, вполне различимый. Неужели такое возможно? Неужели это крохотное существо не плод ее воображения?

Он переложил бластер в другую руку, и она заметила, что маленькое дуло направлено прямо ей в лоб. Увидев, что она стоит, не двигаясь, он немного опустил ствол и сказал:

– Так-то лучше. Будешь хорошо себя вести и делать, что я скажу, – возможно, оставлю тебя в живых.

– Кто вы? – спросила Марианна.

Казалось, он ждал этого вопроса. Он сунул оружие в чехол и делано шагнул в струящиеся лучи света на окне. Слегка поклонился; его шлем блеснул, как обертка от жевательной резинки.

– Принц Мой Трейяно, – торжественно произнес он (впрочем, величие момента слегка портил его тонкий голос), – Император десяти тысяч солнц, капитан огромного космического флота, находящегося в данный момент на орбите этой жалкой планеты, которую вы называете «Земля»!

– З-зачем?

– Разбомбить вас собираемся, вот зачем!

– Но почему вы хотите нас разбомбить?

– Потому что вы представляете угрозу для галактической цивилизации! Неужели непонятно?

– А-а, – произнесла Марианна.

– Мы разнесем вдребезги ваши города. И оставим после себя столько жертв и разрушений, что вы уже никогда не оправитесь... У тебя есть батарейки?

Вначале Марианне показалось, что она ослышалась.

– Батарейки?

– Батарейки от фонарика вполне сойдут.

Принц Мой Трейяно выглядел смущенным, хотя трудно было сказать наверняка. Шлем с горизонтальной прорезью – предположительно на уровне глаз – почти полностью закрывал его лицо.

– Атомный двигатель барахлит, – продолжил он. – По правде говоря, это была вынужденная посадка. К счастью, я знаю секретную формулу преобразования энергии батарейки с помощью управляемой цепной реакции. Так есть у тебя батарейки?

– Пойду поищу, – ответила Марианна.

– Запомни, никаких фокусов. Если ты попытаешься позвать кого-нибудь на помощь, я сожгу тебя бластером прямо сквозь стену!

– Я... я думаю, фонарик лежит у меня в тумбочке.

Фонарик нашелся. Она отвинтила крышку, встрясла батарейки и положила их на подоконник. Принц Мой Трейяно принялся за дело. Он открыл маленький люк в боковой части корабля и вкатил батарейки внутрь.

– Стой где стоишь! – бросил он, обернувшись к Марианне. – Я буду наблюдать за тобой через иллюминаторы. – Он вошел внутрь и закрыл за собой люк.

Марианна справилась со своим страхом и попыталась рассмотреть корабль поближе. Он совсем не похож на летающую тарелку, подумала она. Скорее напоминает сковородку... летающую сковородку. Даже крепление для ручки было предусмотрено. И не только это, края снизу предполагали наличие крышки.

Она тряхнула головой, чтобы прогнать эти мысли. Надо сказать, любой предмет напоминал ей сковородку. Она вспомнила, что Принц Мой Трейяно говорил ей что-то про иллюминаторы. И тут же разглядела ряд крошечных неровных окошек, опоясывающих верхнюю часть корабля. Наклонившись поближе, она хотела рассмотреть внутреннее убранство.

– Назад!

Марианна резко отпрянула. Настолько резко, что чуть не упала назад, стоя у окна на коленях. Принц Мой Трейяно выбрался из своей посуды и принял торжественную позу, освещенный «СТЕЛЬКАМИ КОМПАНИИ СПРАК» и светильником, горевшим в спальне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.